

Ольга Коваленко-Левонovich

Дарован день

стихотворения

Москва

ОНТОПРИНТ
СДЕЛАНО - СКАЗАНО

2015

В огромном и богатом мире

Взявшийся за написание стихов стремится сконцентрировано выразить в строках то, что он видит, чувствует, переживает, как относится к происходящему в поле его зрения. И если он Поэт, то при этом он создаёт свой мир. Поэтический мир автора может ограничиться узкими рамками, а может быть безграничным.

Поэтический мир Ольги Коваленко-Левонович поражает своими размерами. Темы её стихов разнообразны: любовь, семья, природа, Россия, Бог. Всё это есть в её стихах. Все стихи написаны от души. Они высокопрофессиональны. Они простые, но не простенькие. Это та простота, которая требует большой работы души и ума. Здесь нет излишней вычурности, но в каждом стихотворении за строками угадывается богатейшее содержание. Стихи выверены, взвешены, избавлены от многословия. Они не навязчивы, но так и затягивают погрузиться в мир её поэзии.

Этот мир полон добра, любви, сочувствия и сопереживания к чужим бедам и горестям, будь то родные, близкие люди, или незнакомый старичок, или спящая девочка на вокзале. Куда зовёт нас автор стихов в своём мире? Вот, например, на поиск счастья. В чем оно? Может быть, в деньгах?

Денег нет, успеха тоже нету...

Если нужно Сам Господь подаст...

Счастье, я скажу вам по секрету,

Не зависит вовсе от богатств.

Не зависит даже от здоровья,
Пусть его с тележкой целый воз.
Кто стакан воды у изголовья
Нам поставит? Вот главней вопрос.

И сразу можно понять, какие ценности в этом мире дороги автору. Стихи легко читаются, но как чудесно выражен в них смысл жизни человека. Не о богатстве печётся она, не о личной выгоде, а о том, чего заслужила у тех, с кем была рядом в этой жизни.

Ольге подвластны разные формы стиха. Она способна написать стихотворение на целую страницу, и не устаёшь от его прочтения. Наиболее частой формой является стихотворение в четыре-пять строф. И в них она умеет вместить основную мысль с тонким поэтическим не навязчивым, но умным выводом. Может она и в восемь, а то и в четыре строки вместить содержание, достойное целого рассказа или даже романа.

Нас пустят первыми под нож.
Придёт пора проверить стадо...
Не блеешь, скажут, а поёшь.
А нам неблеющих не надо.

Придёт наш час, и ясным днём
Над нами небо распахнётся,
И мы, слабея, упадём
На дно небесного колодца.

Горние выси, отношение к Богу пронизывает всю книгу стихов. Автор не старается пересказать библейские сюжеты. Её более всего волнует путь к Богу. Ей хочется не просто пойти в храм и помолиться, хотя и это важно, и без этого нельзя. Но ещё важнее прийти к Богу с чистой совестью и открытой душой, преодолеть в себе соблазны страсти или богатства. Вся её очень нелёгкая жизнь полна забот о детях, коих вырастила троих, в условиях непростых семейных отношений. Работа в школе, работа с детьми – это её профессия. Надо уметь не только учить и воспитывать, но и воспитать в себе терпимость к чужим недостаткам, но не к подлости. Она сама себя готова даже змеей изобразить. Хотя змеиною в ней отродясь не бывало.

Я себя считала доброю.
Но унизили меня.
Поднялась обида коброю,
Изготовилась змея,
Чтоб расправиться с обидчиком,
Покусать и наказать...

Ах, как хочется отомстить, ответить так, чтоб неповадно было. А она сдерживает себя: «Свой родной, свой доморощенный обезвреживаю яд». Как это не просто сделать.

Тема любви также проходит через всю книгу. Это и любовь к родителям, и к детям, и к близкому человеку. Её любовь – не выдумка и не желание как-то устроить своё счастье. В любви Ольга открыта, не прячется за изгородью слов. Она

обнажает душу. Её волнения - это не боязнь поступить решительно на жизненном повороте, это нежелание принести неприятности другим людям. Она тщательно взвешивает свои поступки и находит своё счастье. Слезы уронив, она лишь хочет, чтобы любимому «приснился дождь и капли с неба».

Большая часть жизни Ольги Коваленко-Левонович прошла в Забайкалье. Стихи о природе преимущественно связаны именно с теми местами. Забайкалье в её ярких выражениях предстаёт зримо и образно. Взгляд её, и не только на природу, оттачивался при помощи фотообъектива. Именно фотообъектив помогает ей часто увидеть то, что может быть скрыто от простого обывателя и может быть замечено только поэтом: «Избушки – новогодние игрушки на дымках своих висят». Это надо же так заметить, что избышки, построенные на земле, висят на горных ниточках.

Вообще у Ольги в стихах столько поэтических образных находок и неожиданных выводов, скрытых за строками, что цитировать её можно бесконечно. Практически в каждом стихотворении находится что-то такое, что приводит к удивлению, а то и к восторгу. Прочитав всю книгу, прихожу к удивительному выводу, что за прекрасными стихами осталось ещё столько нераскрытой души, что хватит и ещё не на одну. Остаётся пожелать ей успехов, а читателям - порадоваться вместе с ней.

Виктор Красавин,
руководитель литературного объединения
«Дмитровские Зори».

Дороги есть
такие...

Трещат сороки в перелеске.
Села печален древний лик.
В пруду не слышно рыбьих всплесков.
Раскинул зонтик борщевик...

Вода в колодце стала горькой.
Бурьян штурмует сельский ток.
Заборы ветхие – в подпорках.
Косилки отслужили срок,

Комбайн ржавеет у дороги.
Поля кустами заросли.
А люди, жалуясь на Бога,
Лекарство ищут от тоски.

Начальство костерят привычно.
Детишки в город подались.
Травой поросший, горемычный,
Храм, осыпаясь, смотрит ввысь.

Тропу изрезали овраги,
Дубрава старая – густа.
Рисуют ласточки зигзаги
Над колокольной без креста.

Русь

Кто мы, кто мы для Тебя, Россия?
Дочери твои и сыновья?

...В лихолетья Ты не голосила,
Очи слёзные ладонью заслоня.
Ты нужду с достоинством терпела,
Крохи собирала для сирот.
Скольких схоронила и отпела...
Горевала за славянский род...
Было время – рожь не колосилась,
Взрывы искорёжили поля.
Огненные бури проносились,
Всё смешалось: небо и земля.
В эти годы собирала жатву,
Щедрую, по градам-весьям смерть.
Ты о жизни так молилась жарко,
Как другой, конечно, не сумеь.
Как могла, хранила и спасала
Свой народ от супостатов Ты.
Но История пока не пролистая
Всех скорбей печальные листы.
Пусть хотят тебя служанкой сделать,
Радости, надежд лишают пусть,
Белоглазая косится чужь и нелюдь,
Будешь, как была – Святая Русь.

Воскресные зарисовки

Сегодня в храме многолюдно.
Толпа, и повернуться трудно.
К иконам вовсе не пробраться.
Старушки к лавочкам теснятся.

Горит свечей медовых лес.
Звонят молитвы до Небес.
Пищат детишки слабым хором.
Все на мамаш глядят с укором.

Алтарник нынешний, Серёжа,
Свечу выносит осторожно.
Священник возглас подаёт,
И дружно крестится народ.

Вот исповедь, и к аналою
Приход придвинулся волною.
Старик взглянул на образа,
Потупил влажные глаза.

Вот у священника старушка.
И шепчет батюшке на ушко.
Подходят бледные девицы.
Отходят – розовые лица.

Переминается парнишка.
Второй стоит – уткнулся в книжку.

А третий крутит головой.
Похоже, в храме он впервой...

Ну вот, и детки, и мамы
Идут, скрестивши руки, к чаше.
Причастников неровный ряд...
Алтарник держит красный плат...

У батюшки усталый вид.
Но он с амвона говорит.
Народ подходит ко Кресту
На нём распятому Христу...

Собрались люди на Крещение,
И ждут, когда придёт священник.
Кадильный дым... Мерцают свечи...
Всем православным в храме – легче.

Уходят лишние проблемы,
Воочью видим – кто мы, с кем мы....
... У храма бабушки стоят,
И расходиться не хотят....

В городе чужом

В городе чужом – одна...
Среди шума, взгляды - скользом.
Словно бы коснулась дна...
На витрине сохнут розы.

Пёстрых вывесок сумбур,
И машин столпотворенье.
Нищий ждёт... Цветёт гламур...
Муравейника кипенье...

Деловые в пиджаках
Так спешат – гляди, затопчут.
Дамы проплывают – ах.
Бабки шлёпают в платочках.

Инвалиды, лимита,
Зазывалы возле лавок.
Спешка, давка, суета,
Словно жить осталось мало...

Стройки шум... А тут – ремонт,
Стены в сетке-паутине.
Рёв машин. Какой-то понт
Встал на «зебре».

«Вот скотина!» -

Дед вопит. Народ глядит,
И спешит, собою занят.
Сам себе уж дед ворчит...
А витрины блеском манят...

Вот монашенка спешит,
Рукавом взмахнув, как птица.
...Так молитва для души –
Растревожит и промчится...

Перед входом в банк – швейцар.
Толстый кот с надменным взглядом.
Душит жир, в мундире – жар.
Он мечтает о прохладе.

Грустно, жарко и легко:
Здесь меня никто не знает.
Тот, кто любит – далеко.
Он делами плотно занят.

Ухожу, бреду назад,
Вдоль и поперёк движенья...
И ловлю в витринах взгляд
Своего же отраженья...

Папка из архива

Проснувшись, улица сияла,
Слепила стёклами машин,
Зевак витрина зазывала...
А на обочине один

Стоял немолодой мужчина,
В себя, как в омут, погружен.
Уйти в себя была причина.
Архивный зал покинул он.

Он вспоминал - вручили папку.
Допросы, справки, протокол...
Там дед его походкой шаткой,
Никем не видимый, пришёл.

И рассказал, для всех неслышно,
Как жизнь тюремная текла.
И как по обвиненью вышло —
Он контра, враг, и все дела...

Он объяснял, что невиновен.
Но глух и жуток был допрос.
Ломали душу аж до стога.
Вопрос — что гвоздь... Ещё вопрос...

Нелепо, дико обвиняли,
Не слыша, что он говорил.

Как будто роботы из стали
Его терзали что есть сил...

Вот новый протокол подписан.
Он снова им: не признаю!
И кружат, тупо кружат мысли:
Нагромождая, дело шьют.

Увидит ли жену и деток?
Отпустит страшная тюрьма?
Он замурован, заперт в клетке,
И впереди глухая тьма...

...В глаза он посмотрел и молвил:
«Попал, как рыба на крючок.
Ты молодец, что деда вспомнил.
Ты разберись во всём, внучок...».

Страницы дела кровью пахнут...
Тоской и болью, без конца...
Казалось - имя будет прахом,
Ни памяти, и ни лица...

Но со страниц, сквозь дебри строчек,
Кричит он мне: не виноват!
Бумажный серенький клочочек
Пронзает сердце, мутит взгляд.

Расстрелян... Осень золотая
Бросает красную листву...
Я дело прадеда листаю.
Читаю медленно... Реву...

Офицер с молодыми глазами,
Сутулый священник с котомкой...
С фотографий, умытых слезами,
Смотрят на нас, потомков.

Прямая дорога на муки
Их ждет. Они знают об этом.
Но слишком беспечны их внуки, -
Такого предчувствия нету.

А путь, как всегда, неизменен –
За дух мы заплатим кровью,
И выступят предки из тени,
Сияя нездешней любовью.

Поэт - 30-х

Покуда страх не одолеет,
Клещей зловещих не сомкнет,
Сквозь крики, что от часа злее,
Он о своем поет, поет...

Его облепят сотни гурий,
Снесет клокочущей волной.
Он – точка зарожденья бури.
Стеклянен временный покой.

Беги в распахнутую небыль,
Пей книг тягучее вино...
Ждет север и седое небо –
Страны тюремное окно.

Судьбы смертельные уколы
Не значат, впрочем, ничего.
Падут стальные частоколы
Пред... беззащитностью его.

Дороги есть такие – в никуда.
Идёшь, идёшь,
 вдруг – каменная россыпь.
Зелёных сопок низкая гряда.
Глушь, тишь... Спускаешься с откоса:

Оградка кладбища, жестяная звезда...
На месте дома – рощица сквозная...
Дороги есть такие – в никуда,
Но лишь для тех,
 кто ничего не знает.

Серый день, и пахнет снегом.
Но дышать легко, свежо...
Запыхавшись, как от бега,
Дед идёт: шажок... шажок...
Постоит, шагает дальше,
Палкой трогая асфальт.
На пальто из старой замши
Хлопья редкие летят...

Дед уселся на скамейку -
Закружилась голова.
В парке клёны – по линейке,
И подстрижена трава...
...Старый парк – знакомый с детства,
Помнит то, что сам забыл...
Жили рядом, по соседству...
Ту сирень – отец сажал...

Зябнут старые берёзы.
А в душе царит покой.
Снег летит уже серьёзно,
Надо бы идти домой...
Дед вздохнул, с трудом поднялся.
Дома – кресло, старый плед...
«Бабка! – скажет, - Нагулялся!»
И посмотрит на портрет...

Встреча с ветераном

Четырнадцатилетние балбесы,
Мы ждали встречи с ветераном.
Услышать было очень интересно
О подвигах, разведчиках и ранах...

А ветеран вздохнул, и вдруг заплакал.
Он тихо всхлипывал в звенящей тишине.
Он слышал взрывы и призыв к атаке...
Он до сих пор сражался на войне.

Вокзал

Идет состав по первому пути,
Мешая гарь вокзальную с туманом.
Спят в зале, на потрепанном диване
Бомж старый и девчушка лет пяти.

Под взглядами текучими прохожих
Спят, съезжившись – здесь холодно с утра.
А девочка – с моею дочкой схожа...
И сердце дернулось... Но в путь уже пора.

Дела, что ждали – канули. Осталось:
Вокзал раскинул чадные крыла,
Дверь хлопала, и стекла в такт качались,
И сиротливо... доченька... спала...

В пути

Яркий луч из-за деревьев брызнет...
Грохот стихнет... Мимо деревень
Пролетает поезд, словно призрак.
Яркий – в ночь, зеленогубый – в день.

Он в полях теряется, в сутробах...
На вокзалах – грозен и высок.
Мельтешат оранжевые робы...
Встречного пронзительный гудок...

Мы – в вагоне, в пятнах тьмы и света,
Под ритмичный грохот-перестук,
Слушая вопросы и ответы,
Свои души понимаем вдруг.

И, тоскуя об укладе прежнем,
(К новому привыкнуть нелегко),
Мы – в пути, и мы живём надеждой...
Станции мелькают за окном...

Из повседневности – да в бесприютность,
В стук-перестук, разговоры вагонные,
В однообразность, в оконную мутность,
Вневременную тоску, внепогодную...

Влагой овеет наш поезд усталый.
Солнце расколется в льдинах прибрежных,
И – распахнутся байкальские дали,
И оживет, встрепенется надежда.

Солнечный ветер! Он скуку разгонит,
Вырвет из плена томительной лени...
В сумрак тоннелей уносит вагоны –
В черные дыры, к новой вселенной...

Интернетные страдания

1.

Вот проблема – этим летом
Заболела Интернетом.

И с утра до поздней ночи
В монитор таращу очи.

Позабыты даже книжки –
Я сижу, играю с мышкой.

От такого рвения
Посадила зрение.

И, что вовсе не похвально,
Уж влюбилась – виртуально.

Коль нет связи с Интернетом,
То меня несчастней нету.

Вслух скажу, набравшись духа, -
В паутине я, как муха!

Как бы выбраться мне ныне
Из глобальной паутины?!

2.

Волнующе и странно погружение
В другую душу, в тени, в зеркала.
Оно не любит резкие движения:
Раз ошибёшься – вырастет скала.

Здесь мэтры, корифеи – просто тени,
Что боязливо расправляют сеть,
Чтобы других поймать в свои сплетения,
Но сами умудряются влететь...

Здесь добрячок окажется вампиром,
А юморист легко впадёт в тоску.
А этот думает, что правит целым миром.
Мечты – песок – сквозь пальцы утекут.

Здесь есть любовь – на выдумку похожа,
Тепла, как зайчик солнечный она.
Скажи, ты кто? – задаст вопрос прохожий.
Мы – призраки. Мы - видимость одна.

Ранимые, беспечные, живые...
Непостижимые... До грубости просты...
Обычные... Не добрые, не злые...
Но дрогнет клавиша: мой ближний – это ты?..

3.

Компьютер выключай скорей,
Беги, беги из интернета!
Он приставучий, как репей,
С ним никакого сна нету.

Заглянешь почту посмотреть,
И час – как языком слизали...
Уж суток промелькнула треть...
Проблемы с шеей и глазами...

Какой уж тут уютный быт,
Коль состоянье – как с похмелья....
Стоит посуда... Пол не мыт...
Пылится где-то рукоделье....

Скорей, скорей его гаси!
От новостей не окосеешь,
И на приборку хватит сил,
И мужу суп сварить успеешь...

4.

Подзавис компьютер.

Вот и хорошо.

Время есть придумать

Новенький стишок.

Книгу позабытую

Взять и перечесть.

Дождиком умытые

Яблочки поесть.

Перестать сутулиться,

Клавиши терзать,

Погулять по улице,

Радую глаза.

Снова сыплют дожди

Из небесных сит.

Дни без компа прожиты.

Пусть себе висит.

Телевизор

Вся семья приросла к телевизору.
Поглощает поток новостей.
Там на выбор любая провизия,
Винегреты вестей и страстей.

Иссушается мозг, выпивается,
Незаметно, под визги реклам.
Даже стих мой сейчас спотыкается:
Тянет силы бормочущий вамп.

Голоса, голоса накалённые,
Барабанный ритмический звук.
Очи в очи, глаза остеклённые...
Пьёт энергию ... телепаук...

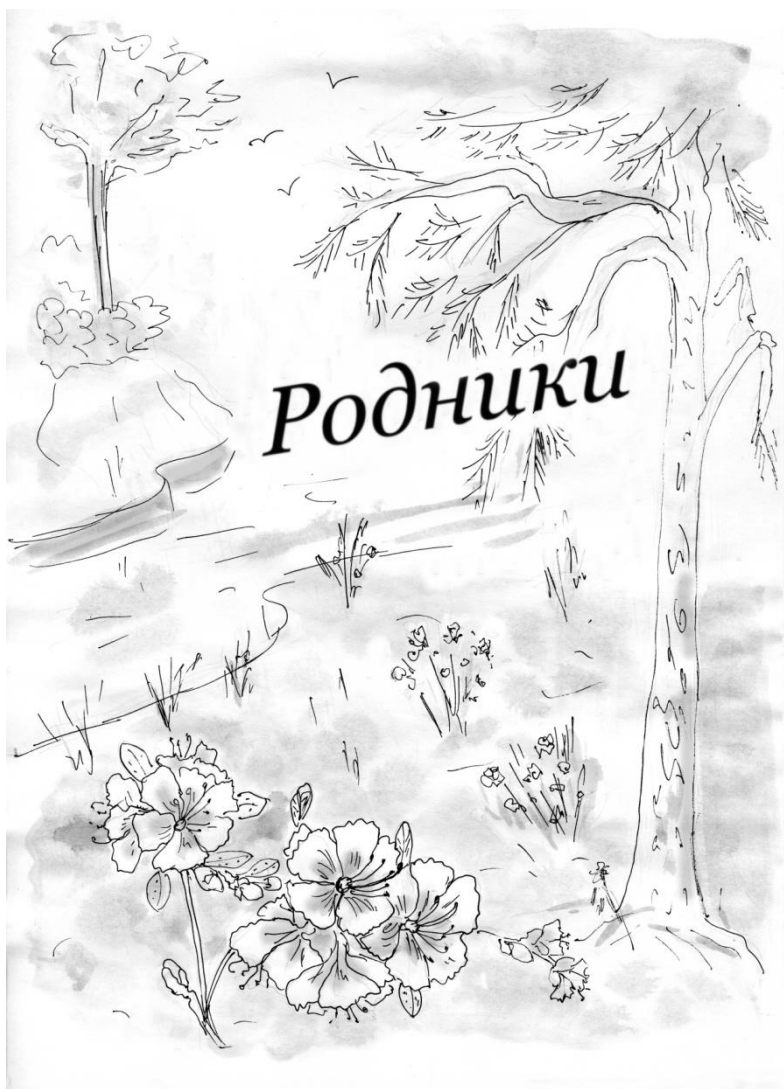
Не имею телевизора,
Не читаю я газет.
Но идут из мира вызовы...
От него покоя нет.

Рассказал сосед о пенсиях,
Продавщица - про теракт...
Новостей течёт эссенция.
На душе царит бардак.

А душа сопротивляется:
Знать о взрывах – нелегко.
И скорбит она, и мается,
Растеряла весь покой...

В лес пойду – пичуга светлая
Трелью радует меня.
Утешают липы ветками,
И приходит радость дня.

Мир, в огне, скорбях и ужасах,
Разъярённый и больной,
Не исчез, а просто сузился,
Стал горошинкой одной.

Люблю уют осенних перелесков.
Покой и свет. Отрада тишины.
Чирикание пичут, речушки всплески...
Тепло огромной кряжистой сосны...

Кузнечик протрещит. Комар заноеет.
Лениво пчёлы выются над цветком...
Не жжет светило томное дневное.
Вечернее – с прохладным ветерком.

Мой возраст совпадает с этим сроком.
Размеренна, тепла моя пора.
Глядится небо в синь промытых окон.
Свет золотой не сходит со двора.

Не знаю, доживу ль до срока стыни,
Сменяю ль медь на чары серебра...
До силы творческой, телесного бессилья...
До несказанной лёгкости пера...

Осеннее

Очи прозрачной осенней реки,
Синие от потемневшего неба.
Шорох травы, камыша поплавки...
Сток на поляне – буханкою хлеба...

Дремлет берёзовый жидкий лесок...
День тишины только раз и нарушен:
Утки со свистом, наискосок,
В сторону рясных болот и лягушек...

Ах, сентябрь

Бензопилы осами жужжат.
Рядом – стройка... Вдруг топор затукал...
Падает щепа – светла, свежа...
Голоса... Ударов мерных звуки...

А сентябрь роняет яркий лист,
Шепчет нам о скорой непогоде...
Уток пролетевших тонкий свист...
День к закату – и тепло уходит...

Истощаются запасы тёплых дней.
Утром лужи – ледяные стёкла.
Но речушка суетится. В ней
Разноцветье лиственное мокнет...

Ах, сентябрь... Ты – праздник золотой,
Щедро сыплешь ягоды и листья...
А октябрь холодной чистотой
Отрезвит... Другими будут мысли...

Погоде по-осеннему взгрустнулось...
Метались галки с криком поутру.
Крапива, словно нищенка, согнулась,
В дырявых листьях зябла на ветру.

К обеду туч налезло – беспросветно,
Погасли листья – не горят огнём.
Они упрямо держатся за ветки,
Сухим не осыпаются дождем.

Черемуха нахмурилась, темнеет.
Синицы с писком возятся в листве.
Но садик наш, и сердце мое греет
Березовый, лимонно-желтый свет...

Дождем не пахнет. Сушь, похолоданье.
Лишь запах гари – всюду жгут ботву.
Картошку выкопали все, и топят бани.
Дымы полотнищами сизыми плывут...

...Стустился вечер, и стемнело рано.
Хозяин печку в доме затопил,
И всё поглядывал, как в уголке дивана
Свернулся кот, и лапкой нос закрыл.

Осень в городе

Попутный разговор...

О чем – неважно.

Летел осенний сор

Листвы бумажной.

На рыжих площадях

Гуляло солнце.

Скользило в проводах,

Очках, оконцах...

Как ловкий старичок –

Бегун в кроссовках –

Топтался сквознячок

На остановках.

Троллейбусный уют...

Плащи, береты...

Осенний пестрый люд,

Пропахший ветром...

Первый снег

Первый снег – на зелень,
Крупкой – на ботву.
Ветер листья сеет
В жухлую траву.

Небо виснет чашей,
Сизовой мглой...
В бочке лёд тончайшей
Корочкой тугой.

Листья, что остались,
Шепчутся в тоске
На ином, усталом,
Жёстком языке...

Тучи снеговые

Тучи снеговые холод принесли,
Белые одежды для скупой земли.
Не увидишь рытвин, не найдёшь бугров...
Стелет Богородица девственный Покров.

Осень и зима

День за днем проходит, как в чадy.
Липнет суета, грызет забота.
Маету, как штору, отведу...
Поползень хлопочет у заплота.
Желтые синицы мельтешат.
Воробьи чирикают на крыше...
Осень, влагой стылою дыша,
Грустно уговаривает: тише!

Молчаливо-сумрачны леса,
Листовъё увядшее опало.
Солнце тускло светит в небесах
Камнем желтоватого опала.
У черемух черные висят
Ягодой усыпанные косы.
Царствует безмолвие в лесах.
Хмурый ветер бродит по откосам.

Осень тихо просит: не шуми!
Наша тишина – совсем другая,
Зимняя – звенящая, тугая,
Наши сны – не те, что у зимы.
Дремлют деревья и снятся им
Тяжелы, в листве зеленой кроны...
А зима... Взмахнет плащом седым,
И леса в беспмятство уронит...

Осенние письма

Осенние долгие письма,
Что забереги из листьев.

Пылают, а рядом река,
Медленноводна и глубока.

Сгорбив ребристые спинки,
Вплывятся листья в льдинки.

Небо нависнет, стужей дыша,
И зазвенит душа.

Тоскою пронзительно-чистой
Полны осенние письма...

Зимний день – синицы посвист.
Красный луч коснется крыш.
Вечер полог синий бросит,
Скрип шагов прорежет тишь.

За деревней, у опушки,
Эхо ловит голоса.
Окна светятся...
Избушки – новогодние игрушки,
На дымках своих висят.

Какие сильные морозы!
Туман утрами, воздух жжет.
Чуть ветер - вышибает слезы...
Но как хрустяще, как свежо!

Стоит село в звенящей дымке.
Дым из трубы клубится, бел.
Вдохнешь всей грудью -
Словно льдинку
Иль кус мороженого съел.

Плывет по дому запах хвои,
Когда, очнувшись ото сна,
Душистой, гибкою, живою
В тепле становится сосна.

Ствол тонкий – в банке трехлитровой,
С водой прозрачной до краев.
День ото дня темнее хвоя...
Сверканье блесков и шаров...

С декабрьских дней и до Крещения
Живет таинственно в углу.
То – в разноцветном освещении,
То тенью тихой... На полу –
Хвоинки, что роняет робко...
Пора прощаться с ней, и вот
Игрушки прячутся в коробку.
Сосну уносят в огород.

Она стоит в сутробе белом,
Храня домашнее тепло,
Прекрасна, как во гробе дева...
...В углу же - пусто и светло...

Тишина

Нынче ящик почтовый пуст...
Стынь и снега яблочный хруст.

Нынче в доме живет тишина.
Ночь безлунно-светла и длинна.

В ней раздумья просторно-вольны
И глубинно-таинственны сны...

День прозрачен, оснеженно-бел,
Заполняется множеством дел,

Неотложных, привычных, простых...
Нынче мир удивительно тих.

Не врывается вихрем вестей,
Не сбивает волной новостей.

Наши новости только о том,
Что синица свистит за окном,

Что снежинки на ветках дрожат,
И врачуетса молча душа...

Что отравленный, шумный, больной
Мир излечится – тишиной.

Морозный туман

Мороз. Туман. Белеют сосны, ели.
Сквозь ветки кружевные – купола...
Прохожие идут, заиндевели.
За ночь метель сугробы намела.

Дома – что корабли в белёсой дымке.
Фотографирую в тумане всё подряд,
Мороз кусает. Сделав пару снимков,
Под куртку прячу фотоаппарат.

Потом уж, дома, монитор покажет,
Что удалось навек запечатлеть.
Чем удивит? Надеюсь, что не смажет
Ворон, что в кадр надумали влететь?

Запечатлелись: дымка и прохожий;
С берёзы сыплется блестящая слюда...
Белеет куст, колючий, словно ёжик...
И даже сказочно красивы провода!

Ветры гулкие

Ветры гулкие – крыльев мощен взмах,
Встречь весне на юг полетели
Стаял снег, и холм чабрецом пропах...
Эту зиму мы одолели!

На окраине, где сквозной лесок,
Запах прелых трав, горьковатых хвой...
Ожил, ожил лес, тихо копит сок,
Машет ветками – я живой!

Забайкальская весна

Забайкальская весна... Седые шубы
Ковыля, и грязный снег в полях.
Ветер сумасшедший, пыльный, шумный,
С посвистом качается в ветвях.

Белые берёзы – словно кости
Светятся на чёрном полотне.
Запах гари, обжигов коросты...
В озерах – мальки спуют на дне...

По степям гуляют табунами
Кони с шерстью выцветше-густой,
Жеребята с тонкими ногами...
Мир раздольный, жёсткий и простой...

У кочевников – обветренные лица.
Жизнь в седле проводят степняки...
Под молитвы ветра мирно спится
Детям в белых юртах у реки...

Степняки

Среди степей, где дышат травы,
Седые волны льёт ковыль,
Журчат ручьи на переправах,
Одно село – на много миль.
Вокруг желтеют шапки сопок
В мехах зелёных сосняка.
Промчатся кони, стихнет топот,
Поёт-журчит Онон-река.

Хранит традиции и песни
Народ степной, что гостю рад.
Его обычай – интересен,
Причудлив праздничный наряд.
Завоевать его непросто.
Хитёр узор его одежд.
Задаст он несколько вопросов,
И... не оставит вам надежд.

Он недоверчив, и не сразу
Себя откроет, не спеша.
Не подчиняется приказам
Его свободная душа.
Здесь встретят чужака, проводят,
Плохого слова не пошлют...
Чтоб частью стать степного рода,
Родиться, видно, нужно тут.

Сосна

Пройдем по рыжей каменистой тропке,
По крутолобой, задыхаясь, сопке,
Вон к той высокой царственной сосне.
И – упадем. И, лежа на спине,
Увидим небо, что гудит над нами.

Оно шумит, исчерчено ветвями
(Иль это кровь прибоем в уши бьет?),
А солнце – блески огненные льет.

...На дне лесном, на мшистом покрывале,
На шишках глянцевых, на хвойном полотне
Лежи. Гляди, кружится по спирали
Пространство, замыкаясь на сосне.

Поют ветвей невидимые трубы,
Струится жизнь в оранжевом стволе...
Ствол – вертикаль. От занебесной глуби,
До родников, что спрятаны в земле.

Дарован день

Скрип деревянного колодца...
Трель птицы утренней лесной...
Взойдет рассвет, туман свернется,
Осыплет иглы бирюзой...

Ботвы упругая чащоба
Измочит ноги до колен...
Прильни к сосне звенящей, чтобы
Забыть забот зыбучий плен.

Мчит ввысь, туда, где вольно птахам,
Сок жизни в солнечном стволе.
Нет места ни тоске, ни страхам
На бодрой, дышащей земле!

К обеду небо – выгоревшей сини.
Березы в знойном мареве дрожат.
Под солнцем грея выпуклые спины,
Цепочкой сопки лысые лежат.

По жухлым склонам соснам не взобраться.
На осыпях кустарнички живут.
Суши, как йоги. Не впервой цепляться,
Ловить песчинки, строить почву тут.

А у реки дымок молочный вьется.
Из плавника – веселый костерок.
Сидит рыбак. Скользит по леске солнце.
Костер, река - и он не одинок...

После дождя

Четвертый день дожди тайгу полощут.
Промытый лес – овражки у корней...
Проглянет солнце – заиграет роща,
Поляна сохнет - пар стоит над ней.

Уходят тучи рыхлою грядюю.
Дух банный от березовой листвы...
Цветок тигровой лилии звездюю
Оранжевою - в зелени травы...

Подарок

Лес тощий – тонковатые стволы,
Пучками-островками мхи и травы...
Дорога цвета глины и золы...
Багульник редколистственный, корявый...

Но на поляне – изумрудный рай!
Сосняк молоденький, роса на хвойных лапах.
Маслят весёлых россыпь – набирай!
И на прощанье – пять груздей мохнатых!

Соскучилась по лесу я. Любому.
Сосновому, просторному, как храм.
По сумрачно-еловому, густому...
По птичьим пересвистам-голосам...

По запахам, особому покою,
По мху, по хрустким веткам под ногой...
Душа там дышит, так светло, легко ей.
Там мир особый, радостный, другой...

Шатёр готов, коль дождик начал капать...
Проглянет солнце - льётся тёплый свет...
Мой добрый лес... Щеки коснётся лапой.
Я ухожу, и он глядит вослед ...

Подмосковный лес

Мы подружились с подмосковным лесом.
Он зарослями плотными встречает.
Осинки сгрудились и смотрят с интересом,
Ласкаются соцветья иван-чая.

Мы входим в полутёмный зал просторный.
Еловые колонны в дымке веток...
Укрыли потолок резные кроны.
А под ногами – мох, брусничник редкий.

Заденешь дождевик – дымятся споры.
Белеет шляпкой шампиньончик новый ...
Таинственны лесные коридоры.
Но солнца луч поймал листок дубовый.

За ельником – берёзы и орешник.
А на границе – чудище лесное:
Ель рухнула, в корнях – косматый леший.
Такая глушь... Едва комарик ноет...

В березняке - светлей и интересней.
Куда ни глянь, желтеют сыроежки.
Неведомые ягоды алеют...
Резную ветку протянул орешник...

Одарит лес по-королевски щедро.
Откроет кладовые, словно в сказке.
Пропахшие грибами, свежим ветром,
Придём домой с корзиной – под завязку.

А дома, засыпая, я увижу:
Дубовиков коричневые шляпки,
Травинку, что росу на стебель ниже,
Узоры, тени, что играют в прятки....

Август

Тихонечко снижает обороты
Зелёная лесная карусель.
Средь зелени сверкает позолота...
Чуть холодней небесная капель...

Горячий воздух влит в сосуд прохладный
Поры вечерней, что остудит пыл.
Осыплет ночь потоком звездопадным...
По небу утра - взмахи белых крыл...

Лилово-жёлтый август осторожно
Погладит кудри жёсткие ботвы...
Уходит лето. В колеях дорожных
Блестят монетки жёлтые листвы...

Который час? Ни день, ни вечер...
Дождь сыплет, сеет. Поздний гость.
Шуршит листва. Намокли плечи.
... Брусники ледяная горсть.

Листы брусничные – корытца.
На пальцах – хвоя, кислый сок...
Осины – рыжие лисицы...
Сосновый дымчатый лесок...

Душе уютно и безопасно.
Густеют волглые кусты.
И равномерно, бесконечно
Паденье капель с высоты...

Романс августа

На сеновале - яблоки румяные...
Сквозь щели в крыше – острые лучи.
От сена, яблок – запахи духмяные...
В окошко ветка с вишнями стучит...

Наш август, загорелый, спело-сладкий...
Горчит полынью, пижмой золотой...
Густая зелень, зонтики на грядках...
Вечерний ясный, ласковый покой...

Роняет слива синие слезины...
Ночами – росы... Время тихих гроз...
Грибов ядрёных полные корзины...
Любимый месяц, на пороге слёз...

Больничная тетрадь

Бабка

На больничной койке – бабка тощая.

Что сухая веточка - рука...

В чём и держится душа?

Живые мощи...

Но – синющие глаза из-под платка.

- Выгнала давно я мужа-пьяницу,

Четверых детишек подняла.

Вволю довелось хлебнуть – намаяться,

Дал Господь – здоровою была.

Попустил – пришла болезнь-захватчица,

Видишь – руки плетями висят...

Не дают с внучатками понянчиться...

- Сколько лет Вам?

Улыбнулась:

- Пятьдесят.

Беременные мамочки в халатиках
По коридору белому и длинному
Как мотыльки поникшие гуляют.

Гремят каталки... Потолок в квадратиках.
Медсёстры ходят – талии осинные.
В палатах няни простыни свивают.

Жизнь движется, кипит в гинекологии.
Сыночки-дочки в чревах укрепляются.
Животик мама гладит – пальцы нежные.

За стенкой кресло страшное, пологое,
Там невообразимое свершается,
И льётся кровь на ткани белоснежные...

На операционном, уносясь
В пугающе-безвольное пространство,
Душа прошла сквозь анфиладу станций,
Всё меньше, беззащитней становясь...

Я помню – по спирали, как в игре,
Пройдя сквозь уровни, за несколько этапов,
Я оказалась среди узоров из квадратов,
Закамуфлированной мошкой на коре.

Я очутилась в душном плоском мире,
Двухмерном, до безумия простом.
Напоминают изредка о том
Обои в нашей старенькой квартире...

Всплывает в памяти порой, теперь уж редко:
Душа разахалась: «Я где? Я – где? Ау!»
Упала – словно яблоко в траву,
Утратив связь с родною крепкой веткой...

...Я думаю, умру – не будет так.
Душе останутся и ясное сознание,
И разные воспоминания,
И полечу, на свет, а не во мрак...

Мой август

Подруга вечная – тоска,
И – неблагополучие...
От пожелтевшего листка
Свет, золотые лучики.

О, август, я тебя люблю
За все несчастья сразу,
За то, что беспокойно сплю,
За болевые спазмы.

Ты щедро даришь урожай:
Стихи и озарения.
Ещё чуток силёнок дай
В период обострения.

Спала болезнь июнь, июль,
А в августе проснулась.
Я от её прицельных пуль
Стремительно загнула.

Плачу за рану по рублю,
И наберётся – тыщца.
И всё же я тебя люблю,
Мой август, красотища!

Утром встала – не встаётся.
Пошагала – не идётся.
Расчесаться не могу,
Руки-крюки, стан – в дугу.

Чтобы что-нибудь попить,
Надо чайник вскипятить.
Чтобы что-нибудь поесть, -
В шкаф, согнувшись, надо лезть.

Со вчерашнего утра
В мойке – грязная гора.
Шторы свет загородили,
Их раздёрнуть – нету силы.

Не житьё, а просто рай,
Хоть ложись и помирай.
И со стоном, и молчком
Разогрела молочко.

Проглотила я таблетку...
Приземлясь на табуретку,
Комп включила... Всё, живу.
Кнопочки на «клаве» жму...

Жду, когда подействует таблетка.
Жалуются руки и спина.
Не хожу, а ползаю улиткой.
Хорошо, что дома я одна,
И никто не слышит охов-вздохов,
Станных благодарственных молитв.
«Ты благодаришь? Тебе же плохо!»...
Мыслей тяжких отгоню наплыв.
Слава Богу! Да! Ещё живая!
Я могу и мыслить, и творить.
А душа тихонько открывает
Дверь, куда так боязно входить.
И глядит. Застыла на пороге.
Там клубится непонятный мир.
Всё уходит. Только мысль о Боге.
О Любви. И нет лукавых игр.
Я – прозрачна. Я – как на ладошке.
Там критерий истины – один.
Пред Судьёй душа в рыданиях тонет.
Ты себе и палач, и господин...
Отпусти вину, коль был обижен.
Всех прости – здесь действует Закон!
И, очнувшись, вновь кровать я вижу.
Стол с таблетками и старый телефон...

Я взгляд бросаю в зеркало, и – страх:
Худа, бледна, и таю на глазах.

Но Господа за всё благодарю.
Я дверь в осенний ветер отворю.

От слабости кружится голова.
Я слышу шорох – падает листва.

Листочки вниз срываются, шуршат,
Как выводок испуганных мышат.

Озябнув, я вернуться в дом спешу,
В глазах пейзаж осенний уношу...

Болею. Отрываюсь от земли,
Хотя опутали невидимые цепи,
Жмут кандалы, что кажется нелепым,
Но тело чувствует, сутулится, болит.

Я отрываюсь от земных
Забот бесчисленных, от лишних отношений.
Остались крохи, но они священны:
Душ несколько, и я молюсь за них.

О смерти - думаю? О том, что ждёт за нею,
О том, что не закончены дела,
О том, что только в Боге жизнь светла,
Что в Рай попасть надеяться не смею...

Но Господа о милости прошу,
Закрыть все дыры и зияющие раны,
Грехи и бесконечные обманы...
И – счастье, что ещё живу, дышу,

Что время есть и каяться, и плакать,
Поддерживать, кого пошлют, и чад...
И выходить в осенний свежий сад,
Где увяданья огненные знаки...

Больничные зарисовки

1.

Привычные больничные мытарства.
Страх боли... Кабинеты, этажи.
Шприцы в аптеке, новые лекарства.
В кармане направление лежит.

Но в отделении набиты все палаты.
И в коридоре на кушетке спят.
Главврач в бумажку глянул виновато:
Отказ провозглашается опять.

А я и рада. Пусть болят колени,
Холодный пот и сердце из груди,
На улицу выходишь – как из плена,
И день – свободный, свежий впереди.

2.

Хорошо в больнице – с телефоном.
Можно позвонить, не торопясь,
Детям, всем подругам и знакомым,
С мужем сохранить живую связь.

«Ну, привет! Ты где? А я в больнице...»
Воодушевлённо рассказать,
Что назначил врач, о пояснице,
Мол, плоха больничная кровать...

Уловить сочувственные нотки...
В адресную книгу заглянуть...
Выбрать имя и нажать на кнопки...
И услышав «занято» - вздохнуть...

Перебрав весь список по порядку
И устав от виртуальных встреч,
Телефон поставить на зарядку,
С охами под капельницу лечь.

И лежать, и слушать, как соседке
Дочь звонит, подруга и отец...
Та щебечет птичкою на ветке...
И когда замолкнет наконец?!

3.
В больнице – суматоха.
Тут жизнь вовсю кипит.
Старушке очень плохо:
С иглою в вене спит.

Лежит она комочком,
Не в силах сесть и встать.
Продукты носит дочка,
Сидит у койки зять.

Но оживела скоро,
И, с кружечкой в руке,
Бредёт по коридору,
Согбенная, в платке.

Давно ль белей подушки
Была – ни встать, ни лечь,
Уж телефон под ушком,
И льётся, льётся речь.

А в коридоре – койка.
Идёт народ, глядит:
Лежит в густых наколках
Порезанный бандит.

Ночь. Никому не спится.
Любому не до сна:
Кричит подбитой птицей
Инфарктница одна.

Качает ветер ветки.
Чудесный день встаёт.
С утра – укол, таблетки,
Система и обход.

Зажглись телеэкраны.
Когда ж заветный миг:
С обедом долгожданным
Тележка загремит...

Троица

Ель зелёные ёжики нянчит на ветках.
Шишки рыжими гроздьями густо свисают.
Истекают смолою. Нагрянуло лето.
В небе влажном кружит голубиная стая.

Дождь прошёл, и уже лучезарится солнце.
По прямой, деловито, летают вороны.
Нынче звон колокольный без усталости льётся.
Нынче Троица, вот и разносятся звоны.

А больные стоят у раскрытых окошек.
Тучи в небе гуляют и дышат деревья...
И даётся уставшим надежды немножко.
И, что искра в груди, просыпается вера.

В больничной палате

В больничной палате, что стала привычной,
Я слушаю звуки: чирикают птички,
Стучат неужённые капли из крана,
Системы гремят, что развозятся рано...
Они в процедурке стоят, словно лес.
Но смотришь – на время лесочек исчез.
Стоят у кроватей, серьёзны, стройны,
Особенной властью владеют они:
По трубкам прозрачным лекарство бежит,
Надежду даря и желание жить...
Мы словно родные с другими больными.
Нас всех санитарка на завтрак поднимет,
Нас врач на обходе при всех обнажит...
И каждый лелеет свои миражи:
Что вылечат здесь, иль хотя бы подлечат,
Что станет попроще, заметно полегче.
Но дни проползают, сменяются лица,
И нам уж о доме мечтается-снится.
И в тягость больничный непрочный уют,
И радости встречи уже не дают.
Мы выписки ждем, как спасенья из плена...
И вот на крыльце, под больничную сенью,
Насквозь пропитавшись лекарственным духом,
Вбираем свободу мы зрением, слухом,
Ступаем, слегка ослабев, по земле,
С одышкой, бледны, но довольны вполне.

Дочка спит

Стёкла иней залепил.
Месяц узенький в окошке.
Баю, маленькая, спи,
Засыпай скорее, крошка...

Ночь густеет за окном.
Темноты боялась, помню.
Но теперь наш старый дом
Светом нежности наполнен.

Дремлют яблони в саду...
Пусть малышке сладко спится...
...Я боюсь, пока иду:
Вдруг да скрипнет половица...

Неумолчный шум больницы,
Шорох выюги за окном...
Безмятежно сыну спится:
Там, где мама – там и дом.

Дома скучно, серо, пыльно.
Опустел. В больнице – сын.
Говорит: «Тоскую сильно,
Я лежу почти один».

Дом, работа и больница...
Я мечусь туда, сюда...
Как ему там естся, спится?
Врач подходит иногда?

Был бы хоть диагноз точен,
Потерпеть хватило сил –
Искусчались очень-очень...
Вот уж август наступил...

...Замер, худ, в трикушках, тапках
У дождливого стекла.
Так схватила бы в охапку
И домой уволокла...

Сыну

Из нашего сухого Забайкалья –
В болотистый, сырой, туманный край...
Тебя я мысленно, сердечно окликаю,
Кричу: ты только веры не теряй!

Держись, крепись, мы справимся и с этим.
Порою кажется, что нестерпимо – ждать.
Зима прокатит, за весной и летом
Наступит осень –
будем
дни
считать.

Отрадой для души – одно словечко:
Жив. Более не нужно ничего.
Я в храме помолюсь, поставлю свечку,
И троеперстие ляжет на чело.

А мне казалось – сына оторвали
Навеки – так потеряна душа,
Покой и благодушие украли,
Бессмысленно жалеть и утешать...

Но телефонный голос в ухо впрыгнул,
Душа воспряла, дёрнулась к нему.
Насытилась одним лишь кратким мигом,
Что разметал переживаний тьму.

Благодарю, о Боже, за разлуку,
За обострение чувства, за мольбы,
Терпения целебную науку,
За тихий голос ангельской трубы.

Пора очистить золотые нити,
Испепелить пустую шелуху,
Навстречу Промыслу светло и тихо выйти,
Держа молитву в сердце, на слуху.

Спасибо, Господи, за боль, опустошённость,
За чувство, что свалились в пустоту.
Ты воробышек, крылышек лишённых,
В Свои ладони примешь на лету.

Ты груз посильный возложил на плечи.
Пусть он то жжёт, то студит, словно лёд,
Я знаю, за разлукой будет встреча,
И свет её мне силы придаёт.

Заплачено тревогою родных
За синий путь над облачною цепью.
А в городе чужом – другие сны.
Дрожит душа, опоры ищет слепо.

По нитям собирает, торопясь,
Отзывчивых сердец живую силу.
Иной узор плетется в этот раз,
Но кажется – когда-то это было...

Лечу я над землёй, раскинув руки,
Не собираясь прекращать полёт...
Я вырвалась из тихой злобной скуки,
Не обратила душу в камень, сердце – в лёд...

Лечу, былых привязанностей мимо...
Ловлю из прошлого родные голоса...
...Одна беда – детей своих любимых
Погладить не могу по волосам...

Снятся дети

Снятся дети маленькими,
Лезут на колени...
Обнимаю, сладеньких –
Колю, Мишу, Лену...

Всех люблю без устали,
Берегу и радуюсь...
Без меня – не пусто ли?
В грусть-тоску я падаю...

Знаю, что уж выросли,
Взрослые и сильные.
Возвращаюсь мыслями
В нашу степь ковыльную,

К сопкам, речке, солнышку,
К дому – окна светлые...
Горечь пью до донышка,
И давлюсь советами.

Как же это вышло так,
Я от них оторвана...
Помолюсь неслышно я
На родную сторону...

Здесь привыкла, кажется.
И живу неспешно я,
А душа всё мается,
Грустно-безутешная.

Сытая, обласкана,
Не держусь за стеночку...
...Вижу, смежив глазки, я
Колю, Мишу, Леночку...

Рождественским постом

Я прилечу Рождественским постом
В озябший, хмурый, но любимый город.
Найду, к кому проситься на постой.
Не будут мучить ни тоска, ни холод.

Я посещу дома родных, друзей,
Весёлой бабочкой, уже взлететь готовой.
Секреты не открою жизни сей.
Хотя все тайны для меня не новы...

Когда вернусь в привычный, тёплый мир,
В однообразный короб свой, ракушку,
Покажется, что встречи длились – миг.
Всё – сон. И я в слезах прижму подушку.

Но знаю я, что вечная душа,
Скиталица, узнавшая немало,
На время тело сбросила, взошла
На облако... И к дорогим – слетала...

Я радуюсь, во сне увидев сына.
Он улыбается, даёт себя обнять.
Душа моя скучала нестерпимо,
И чудо встречи дал Господь опять...

И что с того, что я, проснувшись, плачу,
Ловлю обрывки сладостного сна...
Мой долг пока велик и не оплачен,
И я должна отмучиться сполна.

Я не ропщу от выпавшей мне доли,
И об одном лишь Господа молю:
Пусть будет жив, спокоен и доволен.
Храни, Господь, кровиночку мою. ...

...Звоню ему, и слышу милый голос.
Моя бы воля – рядышком была.
Но лишних я не задаю вопросов.
Терплю, молюсь. Надеюсь... Все дела...

Осень капли на ветки нишет,
Словно бусинки из стекла...
Небо сумрачнее и ниже...
Мягкой тканью листва легла...

В доме тихо, тепло, уютно...
Вместо компа гляжу в окно.
Дремлет рожица в дымке мутной,
Стынет пруд, околдован сном.

Мама с дочкой идут на горку,
Обе в куртках, с большим зонтом,
Отражаясь в асфальте мокром
Ярким розово-жёлтым пятном...

Пролетая, шуршат машины.
В доме рядом зажёгся свет...
От желания звякнуть сыну
Никакого спасенья нет...

Моя душа располовинена.
Уходят корни в пережитое.
Из памяти его не выну я.
Хотя окно давно закрытое.

А там страна, что часто снится мне.
И дети, что давно уж взрослые.
Былое, с голосами, лицами,
Ловлю воспоминаний блёснами...

Тот мир исчез. Осталась выдумка.
Но сердце рвут картинки прошлого.
Душа живёт в покое видимом,
Но не хватает ей хорошего.

Сбежав от остроклювой ярости,
Попала в сонный мир окружности.
Душа желает яркой радости,
И ощущенья острой нужности.

Сама себя прошу - не маяться.
Жизнь принимать с её банальностью...
В раскаянном – сто раз не каяться...
И душу примирить – с реальностью.

Далёкий лес

Я счастлива, счастлива, но не здесь.

Моя счастливая частичка
Летает серенькою птичкой
В какой-то очень добрый лес.

А там поляны – под цветами.
На плечи белки скачут сами.

Там родники... Живая мама.
Там детки льнут ко мне упрямо.
И не болят на сердце раны.

И все любимые – под боком.
... Как жаль, в тот лес летать – далёко.

Моя капризная душа
Стремится убежать от боли,
Мечтает о тепле и воле,
Земным излишне дорожа.

Ей оторваться бы чуть-чуть
От ею выдуманных планов,
Не возвращаться к старым ранам,
А поискать иную суть.

Не надо ей себя жалеть,
А радоваться, что все живы,
Просить за тех, что сердцу милы,
И о Христе душою петь...

Письмо отцу

Скупее дыхание, меньше сил...
Ты уйдешь – будем жить не планами,
Не проектами твоими, а полянами,
Лесом, небом, которые ты любил.

В слезах дождей осенних,
В гомоне птиц весенних...

Тоскую по тебе, настоящему,
Тоскую по тебе, уходящему,
Недолюбившему, недолюбленному,
С жизнью, наискосок разрубленной...
С непониманием, одиночеством...
Как в детстве, прильнуть к тебе хочется.

Прости меня за молитвы скудные.
Твои дни для меня – неподсудные.
Жизнь пройдет, и случайное
В узел свяжется.
Между нами связь крепче, чем кажется.

Гитара

Папе

Гитара под неверными твоими
Задумчивыми пальцами грустит.
Прерывистый, зыбучий звук доньше
Живет в душе, трепещет и болит.

Не вынесла. Ушла и дверь прикрыла.
Но звуки проступали за стеной.
Гитара смолкла, а они все... были,
Струну перебирая за струной.

Когда я в электричке задремала,
Гудел гитарный бок, смолист, бордов.
Свои колки оставив у вокзала
Вослед бежали струны проводов...

Наивная, безжалостная память!
Как сладки и остры твои лучи...
Дань требуя, до неба призрак встанет,
И каждый нерв ответно зазвучит.

Слетаю я в печальные места.
Там обитают призрачные лица.
Там память каждого размыто-нечиста,
И осуждение тайное струится.

Там каждый ищет – кто же виноват,
Тасует пережитое в колоду.
Тоскою острой провожает взгляд
Тех, кто сбежал и приобрел свободу...

Я в прошлое, как в воду, погружусь...
Ища приметы драмы пережитой,
Я прилечу и молча огляжусь,
Но... все травой забвения укрыто.

Иная жизнь хлопочет и шумит.
Бесстрастно небо чистое над нами.
Торжественно и тягостно звенит
Могильный холм жестяными цветами.

Портрет на стене

Портрет на стене в опустевшей квартире.
Теперь ты – везде. Ты рассеянна в мире.

Ты – девочка, с бабкой бредешь по дороге.
Промозглость, распутица, мокрые ноги...

Смешливая девушка... Кружатся снимки...
Ты – мама с детьми, на диване, в обнимку...

Ты – бабушка, щурясь, очки протираешь...
Ты... девочка, руки раскинув, взлетаешь...

Ты всюду. Ты снишься мне, снишься и таешь.
Реальна, как жизнь, и легко ускользаешь...

Утратой нелепой, невысказанной самой,
Всегдашнею раною стала ты, мама.

Меж тобою и мной
Связи – не оборваться.
Но из жизни земной
Мне тебя – не дозваться.
Под ресницами око
Бездонно и глухо.
Ты витаешь далеко
От зренья и слуха.
Но во сне невесомой,
Беспечной привиделась.
...Наступило свинцовое
Утро.
Надвинулось,
Наклонилось оно,
Задохнулось,
Слезами ответило...
...И сиротства клеймо
Выжгло в сердце отметину.

На другом берегу

1.

Заботы, страсти – глуше и скучнее.
Душа почти не держится за них.
Порою кажется, что связь её прочнее
С той, что уже не числится в живых.

2.

Ты обо мне тоскуешь? Не тоскуй.
Мы встретимся – от радости заплачем...
Наш переезд, ты знаешь, не оплачен.
Мы колим горести на этом берегу.

А перевозчик в белом стар и строг.
Молчит, не говорит, когда же срок.

Ты не тоскуй. Дождёмся как-нибудь.
Качнётся вдруг прибрежная ветла,
Волна плеснёт, шипуча и светла...
Нас наберут до полного числа,
И – в путь...

Пресвятая Богородица,
Как ТАМ? Где моя мама?..
Сердце очнется, как водится,
Возле страшной, разверзнутой ямы...

Будет холмик, цветы железные,
Сожаления бесполезные.
Будут слезные небеса
И родные, во сне, глаза.

Голос, облик – все время источит,
Но приснятся любимые очи.
И тепло... Подожди чуть-чуть...
Ну немножечко, ну побудь...

Ты знаешь, как в Раю?

Там – любовь.

Там можно быть маленькой-маленькой.

Там ждёт меня мама.

Она возьмёт меня на руки

И я крепко-крепко обниму её,

И скажу сквозь слёзы:

«Где ты была так долго?!»

А ещё там можно быть большой-большой,

И взять на руки своих деток,

И маму, которая станет маленькой.

Рай – это любовь.

Денег нет, успеха тоже нету...
Если нужно - Сам Господь подаст...
Счастье, я скажу вам по секрету,
Не зависит вовсе от богатств.

Не зависит даже от здоровья,
Пусть его с тележкой целый воз.
Кто стакан воды у изголовья
Нам поставит? Вот главней вопрос...

Кто пришлёт простую СМСку,
«Как ты?» - и растает грусти снег...
Все мечты когда-то лопнут с треском,
А любовь останется навек.

Иные миры

Поэт коснётся быстрою рукою,
Листа тетрадного, и оживут легко
Черты лица, и месяц над рекою
Цвета и запахи... И встанет в горле ком.

Стихотворенье – музыка, дыхание.
Слова, что золотые семена,
Вдруг прорастают в звоне и сиянье -
В душе звучит ответная струна.

Порой тоской, тревогой отзовутся.
Придавят камнем... Но из под него
Ручьи прохладные, живительные льются,
Водою очищающей, благой...

Тоска – поэзии сестра

Тоска – поэзии сестра.

Ища во всем первопричину
(Так ищет женщина мужчину),
И осторожна, и мудра.

Она не трогает основ,
Скользит, на дно не погружаясь,
Случайно, вроде бы, касаясь,
Неторопливых берегов.

Любовь – поэзии под стать.
Мечтает в мире воплотиться,
Не может до конца раскрыться,
И, мучаясь, не любит ждать.

Но – ждет. Становятся одним
Любовь, тоска... И жажда жизни,
Которая прозреньем брызнет,
Но Небо властвует над ним.

Гроза

Трещит скорлупа небосвода.

На синем - слепящие реки и нервы.

Из бездны небесной рождаются воды...

Но нерв нашей связи с Землею - не прерван.

Пока под ногами земля, не уходит,

И небо пока не свернулось, как свиток...

Пока еще дышит больная природа,

Не чувствуем мы, как друг с другом мы слиты...

Во мраке грозовом

Во мраке грозовом,
 в движеньи беспокойном,
Перерастёт разряд
 в слепящую иглу.
Вот так же в смуте чувств
 идёт путём окольным
Невысказанно мысль,
 и вдруг - пронзает мглу.

Выдувают ветры

Выдувают ветры ил и пепел.
Омывают волны твердь, основу.
Так шлифует неустанно время.
...Галька, что на берег ляжет, -
Это мысль законченная камня.

Огонь и вешняя трава

Что от него останется?

Глаза

на фотографиях...

А в них – живет гроза.

Что от него останется?

Слова.

А в них – огонь и вешняя трава.

Что от него останется?

Душа.

Вне времени.

Пугающе свежа.

Жизнь - река

Жизнь бессмысленна. Или
Слишком длинна...

И. Бродский

Жизнь не бессмысленна. И не длинна.
Она – река, со спазмами водоворотов.
А ночью в глуби звезда видна,
В лесу камышовом плещется кто-то...

Едва шевелятся плавники
Живущих в ней серебристых тварей.
Плывут селения вдоль реки,
Лес пробегает – зелено-карий...

Мосты упрямо висят над ней,
Полощет ива седые косы...
Чем глубже дно, тем она полней,
Тем отвлеченней встают вопросы.

О смерти – главный... Ей вечно жить!
Душою впасть в океан стремится,
И не заметит, как добежит,
И в нём до капельки растворится...

Мне раньше Бродский был не по зубам.
Да и сейчас, по краю понимания
Его стихов, иду сквозь звон и гам,
Ищу следы библейского сознания.

Деталь – конёк, сравнение – удар.
Сочится боль, и чуешь привкус яда.
Он вечно молод, неизбывно стар.
За ним толпой – учеников плеяда.

В отличие от них, он забредал
В парадоксальные пределы антиверы,
Чужие яблоки срывал, и иногда
Был среди пасынков родным и даже первым.

В далёких закоулочках души
Горела негасимая лампада...
Исчез, но, шепчут, проросло в тиши
Неведомое дерево средь Сада...

Куда везёшь, полуслепая лошадь?
Ты мимо мельницы провозишь третий раз!
У кучера притихшего не спросишь:
Надвинул шляпу – и не видно глаз.

Зачем доверилась я тихому вознице!
Он в мыслях утонул, иль просто спит?
У встречных путников – измученные лица.
Да и у нас самих не лучше вид...

Похоже, не узнать, куда мы едем.
Вот так и будем медленно кружить...
То дождь... То солнце... Странные соседи...
Дорога – состояние души...

Реальность густа

К. Кедрову

Реальность густа, стекловодна, и давит на грудь.
Но так горячей, лучезарней, заманчивей путь:
Жить в разных стихиях: для тела, души и ума.
Держать отражение на глади и видеть до дна.
Не просто взглядеться – проникнуть в неведомый мир.
Где розы роскошные, красок немыслимый пир...
Где белыми иглами брызжет пронзительный свет...
Где блики зеркал, и пустот незаполненных нет...
Где хор – это выдох и вдох, что единым порывом объят.
Где мир бесконечный до точки, до искорки сжат...

...А в скучной реальности –
Берег, баркас и песок.
И куртка промокла,
И влагой набряк поясок,
И боль разломала все кости,
И голод грызет...
В мозгу воспаленном
Весенняя птичка поет...

Приснилась школа

Приснилась школа. Та, которой нет.
Она сгорела в одночасье, жарко
Тому назад... не помню, сколько лет.
А вот во снах живёт до жути ярко.

И я иду вдоль окон голубых.
Сегодняшних знакомых вижу лица.
А коридор тревожно пуст и тих.
Он, как тоннель, куда-то в темень длится.

Исчезнувшая школа... До сих пор
Как существо из глубины всплывает.
Куда ведёт тот школьный коридор?
Не в классы, в бездну двери открывает...

Хорошо бы последнюю связь оборвать
До того, как уйти соберешься.
А иначе калитка опять и опять
Будет хлопать – и ты обернешься.

А иначе завоют вослед голоса,
Куст шиповника в платье вонзится,
Будут прочной стеною тесниться леса,
Незнакомые хмуриться лица.

Для чего это бегство? Душа – пополам,
Существом бесприютно-несмелым...
Надо так расставаться: душа уже там,
Там, в грядущем. И очередь – тела.

Тайны

Открываются тайны земные,
Прозреваются тайны Небес...
Кто сказал, что глухие, немые,
Равнодушные - поле и лес?

Проникая в сознание природы,
Слышим мысли травинки, цветка...
Лес, вздыхающий от непогоды...
Засыпающая река...

Когда жизни окончатся сроки,
Будет явной реальность души.
И молитвы знакомые строки
Поплывут в поминальной тиши.

Не увидят друзья и родные,
Сокровенное чудо чудес:
Закрываются очи земные -
Открываются очи Небес.

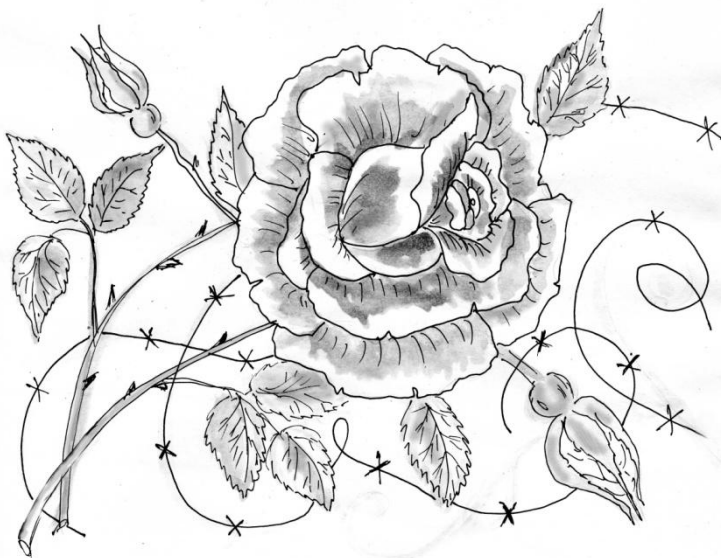
Клетка

Постоянно творить чудеса невозможно...
Мы – не маги-волшебники, мы – очевидцы.
Вычисления наши по-детски несложны,
Но мы видим такое, что и не приснится.

Наши мостики вдруг прорезают пространство,
Они с легкостью рушат земные каноны,
Презирая размеренность и постоянство,
Словно птицы проносятся в мареве сонном.

Но однажды заставят нас жить по минутам,
И захлопнутся клетки надежные двери.
Мы исчезнем, не тронув железные прутья,
А на память останутся белые перья.

А душа
задумала
побег...

Дни сентября

Дни сентября... Зеленый, желтоватый...
Рубины среди зелени горят...
Синеет небо – ни дымка, ни ваты,
А только чистый бесконечный взгляд...

Чирикание пичуг и запах прели...
Сырые плети огуречных гряд...
Неспешны пчелы и ленивы шмели...
Черемух кисточки, румяных яблок ряд...

Дни сентября... Уроки иль итоги?
Под пережитым подвести черту,
И сбросить, словно листья на дорогу,
Иссохшую неправду, маяту?

И налегке – навстречу белым выюгам,
Суровым мыслям, строгой чистоте...
Ты, милый, как? Останешься мне другом,
Иль, нетерпимый, канешь в темноте?

И я останусь в чистом мертвом поле,
В лесу безжизненном, уснувшем до поры?
Где есть надежда, нет – тепла и воли,
И настезь путь в безмолвие открыт!

Брак наш честен. Ложь непорочно.
А душа замыслила – побег.
Слишком равновесие непрочное,
Но на помыслы ложится белый снег...

Под его рукой прохладной тают
Перемычки огненных сетей.
Чистые снежинки остужают
Жаркое мечтание страстей.

Снег холодным саваном укроет
Черноту всех помыслов лихих.
И душа наполнится покоем
И уснёт в объятиях моих...

Боюсь нарушить Божью волю.
Вхожу я в тень, и сердце жмёт.
Сбежав от тесноты и боли,
Я попадаю в плен тенёт.

Меня тоска запеленала,
И обездвижила вина.
Осталось в чаше много ль, мало? -
Она не выпита до дна.

Мне нужно с прошлым разобраться,
Все камни разгрести на дне.
И если Бог велит остаться -
Останусь я в своей тюрьме.

А если выкинет прибоем
На берег с тёмной глубины,
Накажут, наградят тобою?!
Сбегу ль от боли и вины?!

Когда со всех сторон обложат,
Когда невмочь дышать и говорить,
Одна лишь мысль: «Помилуй меня, Боже!».
И высветится, крепче стали, нить.

И выведет, дрожа, звеня, из мрака,
И – вытащит из чёрной глубины.
Пусть спазмы в горле. Но не надо плакать.
От слёз на тропях камни не видны.

Бог выведет! Стремительно иль тихо, -
Не в этом суть. В движении вперёд.
Сухою шелухою снимет лихо,
И в город белокаменный введёт.

Душа бредёт сквозь стыд и воздыханья,
Закутавшись в худое пальтецо,
Храня, как драгоценность – покаянье,
И долу приклонив своё лицо.

Неся, как груз, свои густые мысли,
Неснятый долг и жалость, рабский труд,
С мечтой о жизни непорочно-чистой,
Которую нелепостью зовут.

За мною вздыбились деревья,
И впереди – болот огни.
Вкруг – тени, страхи. Всё же верю,
Что обойдут меня они.

И упадут глухие чары,
И будет путь назад открыт.
И впереди – не топи, гари,
А просто луг, росой залит.

Страдания и искушения
Развеются, как чёрный дым.
И, словно старца, встречу день я.
Он будет тихим и седым.

О надежде

Всё кончено – себе я повторяю.
Но почему надежда не умрёт?
Оброненные ключики от рая
Она в ладошку лёгкую берёт.

Играет ими – ободки сверкают,
И, улыбаясь, и прячет их в карман.
Известна тайна ей. Но как узнать – какая?
Быть может мысль «всё кончено» - обман?

Ей ведомо далёкое отсюда.
Глядит – и брызжут лучики из глаз,
Как будто видится ей радостное чудо...
Мне не увидеть. Мой не пробил час.

Но верю ей. Она не подводила.
...Увижу, может быть, - всё выжжено дотла.
Я стала нищею, гонимой и немилрой.
И – страшную свободу обрела.

Надежды луч, как золотая шпага,
Пронзает яблоки сомнений и отрад.
Любить безмолвно – высшая отвага,
Когда любой учитель, а не враг.

Себя отдать без сожалений в рабство
Тому, кто власть несправедно купил.
Копя в смиреньи высшее богатство,
На поиск смысла не жалея сил.

Когда иссякнет дней и боли мера,
Поражена всеилием своим,
Плиту над погребом легко откроет вера,
И Божий Лик появится над ним...

Мне говорят

Мне говорят - не торопиться.
Не приговаривать, скорбя.
Мол, ни побег, ни власяница
Не для тебя, не для тебя.

Мне говорят – иди по краю.
Не отходи, не упади.
А я от страха замираю,
Стена тумана впереди.

Не прыгну в пропасть, но от бездны
Рвануть не в силах я пока.
Мои стенанья бесполезны,
И крест, вздохнув, кладёт рука...

Молюсь, молюсь без утешенья,
Оставленная средь беды.
Но вижу часто рядом тень я,
И чьи-то легкие следы.

И в грудь вселяется отрада.
Лелею тихую мечту,
Что, если в пропасть буду падать,
Меня поймают на лету...

Голуби воркуют на балконе.
Дальние сияют купола.
А душа, тюремный вор в законе,
Разбирает старые дела...

Вырвалась как будто на свободу,
Сзади шлейф ошибок, нехорош...
Кажется – ни воли и ни ходу,
За спиною кто-то точит нож...

...Солнышко играет, небо стынет.
Золотые светятся кресты...
Ждут меня туманные, пустые,
Гулкие, тревожные мосты.

И по ним, холодным и безлюдным,
От оплетших душу липких пут
Я уйду... Но буду ль неподсудна?
Даже если жёсток личный суд?

Я прошла через огненный лес.
До сих пор слышно – сучья трещат.
Он, охваченный пламенем весь,
Не умеет жалеть и прощать.

Он по кругу ведёт своих жертв,
Заводя в подземелья и рвы,
На духовную верную смерть,
Знак смирения сорвав с головы.

Говорят, кто в лесу уцелел,
Вышел чёрный, обугленный весь,
Тот, ликуя, от радости пел,
О свободе немислимой песнь.

Я по краешку только прошла,
Исчернила лицо и подол,
Чуть со страха с ума не сошла –
Рухнул рядом пылающий ствол.

Иглы руки мне в кровь посекали,
Ямы пламенной видела дно...
В сердце кинули огненный клин,
До сих пор кровоточит оно...

С разбитым сердцем ухожу я от тебя.
Излечит ли другой его - не знаю.
Заштопает ли скорбное, любя?
Уж больно рана рваная, сквозная.

Казалось - ты бы мог меня вернуть,
Чуть взгляд смягчив, чуть приласкав небрежно...
Но отпустил в безвременье и жуть,
И снег замёл тропинку к жизни прежней...

Мне страшно, как ребёнку в темноте.
Но я, по-взрослому, тебя не окликаю.
Сама ушла. Блуждаю в пустоте.
Не плачу - это снег слезой стекает.

Я знаю, что разрыв - не пережить.
По сути, разделение невозможно.
Я ухожу, но будет путь кружить.
Однажды я вернусь, в пыли дорожной...

Вернусь, чтоб только глянуть: как ты – врозь?
И мыслям пожелтевшим удивиться...
И удивлюсь - что я прошла насквозь.
Что живы мы... И прошлое - не снится...

Имя навеки в сердце впечатано...
Бог одарит нас, надеюсь, внучатами...

Но ускользаю из рук я твоих...
Старость не будет одна на двоих...

Ты одиночество вкусишь сполна.
Дом опустевший... Людская молва...

Я не хочу ни судить, ни просить
Молча на волю меня отпустить.

Хочешь – кричи, и ругайся, и бей,
Но с этих пор я не буду твоей.

Жалость сильнее любви, и теперь
Буду входить я в закрытую дверь...

Можешь меня не любить, не прощать,
Стану незримо тебя навещать...

И, разлетевшись на сотни частиц,
Буду я стаей взлетающих птиц.

Не удержать, не поймать, не вернуть...
Вспомнишь добром ты меня как-нибудь?

Грустное-грустное

Я не ждала от жизни перемен.
Но, против воли, сердце захотело
Тепла... И увлекло с собою тело,
Произошёл немыслимый обмен...

Один позвал, другой не стал держать.
Цеплялась я за прежний мир, привычный,
Душа летала беспокойной птичкой,
И – сорвалась... А память всё свежа...

Я до сих пор мечусь – туда, сюда...
Не верю, что кончина состоялась.
Что для меня и крошки не осталось,
И всё закрыла чёрная вода...

О, Господи, как трудно умирать!
От прежней жизни с кровью отлепиться,
Мечтать хоть на минуту оказаться
В обличье прежнем, и вздохнуть: «пора...»...

Хотя ушла решительно сама,
Тоскую, словно выгнали из дома,
И мир вокруг – знакомо-незнакомый,
И света нет, и вроде бы не тьма...

Потерянная... Слезы потекут,
А по чему – не выразить, пожалуй.
Вдруг вспомнится картинка – и ужалит,
Из сердца вырвет огненный лоскут...

Но я молюсь – и тихий-тихий свет
Измученную душу освещает,
Душа смиряется, и любит, и прощает...
Боль спит, и улыбается во сне...

Тоскую по жёсткой траве.
Забору из сетки-рабицы.
По окнам – не будут новей,
Но мне и такие нравятся.

По старой веранде пустой...
По той, что порою снится мне,
Обвитой густою лозой,
С проваленными половицами...

По длинной ограде, крыльцу.
Оно, говорят, перестроено.
Черёмуха сыплет пыльцу...
Жужжит пчелиными роями...

А в дом я боюсь заходить.
Ремонт там, обои, линолеум...
Мой дом... Он не может забыть,
Живёт он, неуспокоенный.

Он станет показывать мне
Приметы, нам только известные:
Керамику на стене,
Ту полку, что я повесила.

Обидой дыша в лицо,
Он скажет: пришла, пропавшая?
И бросит в глаза палецео
Чужими духами пропахшее.

Здесь память сожгли дотла,
На тряпки пустили платьица.
Дом скажет мне: предала!
Но подоконник – поластится...

На рану мне соль не сыпь.
Уйду, и не надо мучиться.
И скрип половиц, что всхлип:
Живи теперь, как получится.

Стараюсь я не жечь мостов...
Но в жизни есть неотвратимость,
Суровая необратимость,
Хотя вернуться уж готов...

Есть, есть черта - шагнул, и всё...
И прошлое - как сны и снимки,
Полуреальные картинки,
Обрывки слабых голосов...

Есть мир иной, где нет часов,
Минут и лет, и нет пространства!
Там торжествует постоянство.
И можно там исправить ВСЁ.

Там встретишь тех, кто рядом был...
И разведённого супруга...
Есть шанс, любя, простить друг друга.
Обняться с тем, кого убил...

Пусть глядит с тоскою, уходя...
Ожидает - позовёшь: «Останься!»,
Промолчи! И пусть она, скорбя,
Душу провезёт сквозь сотню станций.

Пусть поплачет, и письмо пришлёт,
Пусть обмолвится, что помнит и скучает...
Промолчи. Пусть нарастает лёд,
Пусть душа другую повстречает.

Ваши дни отпели, отцвели,
Зонтиками белыми взлетели.
Вы – иные - бродите вдали,
За кромешной сеткою метели...

Истончились ваши голоса,
Что там говорится – не услышать.
Оживают внешние леса....
Боль с годами – тише, тише, тише...

Я в дом вошла

Я в дом вошла.

Я думала – все в прошлом,

и боль меня не может зацепить.

Но от себя укрыться невозможно,

и чашу горькую придется снова пить.

Мучительно заныли половицы.

Знакомы даже гвоздики в полу...

Пыль в солнечных потоках золотится,

Стул скособоченный пристроился в углу.

На стенах серых – синие квадраты:

висело зеркало, а рядом – календарь.

Виновны мы, и мы – не виноваты,

что все прошло.

И, в общем-то, – не жаль!

Пусть все покроется надежным слоем пыли,

а память все капризней и свежей,

бездумно счастливы, несчастливы ли были,

но время то

вне времени уже.

Колыбельная
для
любимого

Всё хорошо

Мечтанья о любви не смеют мучить...
Есть тот, кто любит... Дома тихий свет...
Припрятанной козырной карты нет,
Не напевают о побеге тучи...

Не грезится о страсти неземной.
Нашла, того, кто нужен, и прильнула.
Искала, и себя не обманула,
Меня поймёт обретший землю Ной.

Я помню - глубина... И мерный треск
Бортов смолистых... Запах прелой кожи...
Мечты о пристани, щемающие до дрожи...
Всё позади, и волн приятен блеск

Когда стоишь на твёрдом берегу...
Всё хорошо. Но странное мне снится.
Летят сквозь сон неведомые птицы.
И что-то важное я вспомнить не могу...

Лето тянется паутинкой тонкой.
Каблуки вечерами стучат по асфальту.
Я твой образ воссоздаю потихоньку
Как мозаику из кусочков смальты.

Он объёмный, цветной, и почти без изъяна.
Создавать его, строить – такая отрада!
Но твердят мне, что это – картинка обмана,
Что всё рухнет, когда мы окажемся рядом.

Говорят мне: тобой, наконец, отболею,
Говорят, что непрочен раствор, не навечно...
Но я знаю, насколько намертво вклеен
Красный камешек смальты в виде сердечка!

Утренний туман

Сегодня утренний туман - как молоко...

Любимый мой, хороший - далеко...

А где-то серебристый, весь в росе,

Ждёт самолёт на взлётной полосе...

Казалось бы - так просто - взять билет,

И шесть часов лететь через рассвет...

И, просияв, к тебе легко шагнуть...

Но вкруговую нас обводит путь...

Когда ж пересекутся провода,

И заискрятся, и сомкнутся - навсегда?...

...Туман, туман, укутал всё вокруг,

Но солнце встало - истончился вдруг,

И засверкала мокрая трава...

Прими любви моей негромкие слова...

Слова надежды, нежности, тоски...

Пусть будут дни твои без горечи, легки....

Хочу быть на шее твоей – медальоном,
Горошиной, крошкой в глубоком кармане,
Иль в краешке глаза слезинкой солёной,
Иль спрятаться в сердце, где всё без обмана.

Ты всё опасаясь, что потеряешь,
Что выронишь чашу – она разобьётся...
Ты словно идёшь до овражного края,
Где пропасть, дыша, пред тобой развернётся.

Но сколько б она ни текла, ни змеилась,
Я (видишь?) незримо к тебе прилетела.
И птицей на руку к тебе опустилась.
Ты чувствуешь тёплое, в пёрышках, тело?

Рукою взмахнёшь – улетаю на ветку...
Поверить, Фома, не желаешь, не можешь...
И, словно Адам, ощущаешь нередко
Нехватку ребра где-то слева, под кожей...

То далёк, то близок ты ко мне.
И с тобой расстаться я не в силах
Наяву ль, в бреду, или во сне...
Но уйти – и в мыслях не просила...

Отходила поодаль не раз,
Ощущая через миг потерю,
Слёзы жгуче капали из глаз...
Всё же в расставание – не верю.

Иногда вдруг выдам: уходи,
Отлепись, и сам себя не мучай!
Только холод бродит по груди,
Кто сказал, что без тебя мне – лучше?

...Через Церковь души протащить,
Вычистить, и залечить коросты...
Огонёчек отыскать в ночи,
И понять, что счастье – это просто.

Теперь ты будешь долго, крепко спать.
Как спят бродяги и обиженные дети.
Как те, кому не ждать и не искать,
Как никому не нужные на свете.

Я вглядываюсь мысленно в черты,
Желая мира и сердечного здоровья.
Смотрю, как дышишь и вздыхаешь ты,
Незримо замерев у изголовья.

Так хочется погладить по плечу,
Но руки - сквозь... Не знаю – быль, иль небыль...
И, слёзы уронив, к себе лечу.
...Тебе приснится дождь, и капли с неба.

Твой голос

Твой голос... В нём – вибрации волнения,
Средь бархата есть золотая нить...
Замолкнет – и приходит сожаление...
Я жажду его снова пить и пить...

Сомнения меня уже не мучат.
Нужна тебе! Сегодня в мире – тишь.
Над городом сверкающие тучи...
О, телефон, ну что же ты молчишь?

Ну, оживи! Пусть голос твой прорвётся
Сквозь километры.словно по лучу
Со дна привычного глубокого колодца
К тебе неудержимо я лечу.

Никто не верит, что вот так бывает,
Пророчат окончание игры.
Но рядом ты – себя я забываю,
Живу – до расставания поры.

А после погружаюсь в ожидание.
Пусть часто нестерпимое оно,
Но ты придёшь – и утолишь желание,
Как жажду – крепкое, чудесное вино.

Я знаю – ждут меня твои ладони.
Твое тепло, и я к нему прильну...
Но от отчаянья душа незримо стонет:
Иду долиной, вижу пелену.

За нею ждет привычный и нелепый
Мир из чудовищных строений и мостов...
Из компромиссов лживых прочно слеплен,
И полон возмущенных голосов.

Живут в его глубоких переулках
Пустые ужасы, живые миражи...
Шаги невидимых – чуть слышно или гулко...
В нем невозможно постоянно жить.

Я сотни раз оттуда убегала,
Но возвращалась, как бродячий пес.
Нет сил моих. Немыслимо устала...
Но верю, что пройду его – насквозь.

И пусть душа сжимается и стонет,
Пройду я сквозь густую пелену.
Я верю – ждут меня твои ладони.
Твое тепло. И я к нему прильну.

Твой образ стал объёмнее и ближе...
Порою кажется, что интернетный, тот,
В сети блуждает... Ищет, чтобы выжить,
Родную душу, молится и ждёт...

А тот, что рядом, оглушен немного,
Слегка растерян – новое пред ним.
Он не спешит нырять, глубины трогать...
То радостен, то грустью он борим.

Заботы – волнами, и страхом пыл остужен,
Нарушен устоявшийся уклад...
Но, отдышавшись, понимает – нужен!
Необъяснимо, нереально – рад!

Твоя любовь – что дерево в тумане.
Не знаю – живо? Сухо до корней?
Своей непредсказуемостью манит...
Чем сердце ближе – тем ему больней...

Бываешь ты холодным и суровым,
Бываешь огненным, от страсти – сам не свой...
Но сердце ль под душевною корою?
Но плачешь ты не только над собой?

Да любишь ли? Жалеешь ли? Порою
Не чувствую, не вижу, не пойму...
Быть может, тайну вечную открою,
Что я нужна лишь Богу одному...

Зерна золотистые, созревшие...
Вперемешку с пылью и песком...
Так любовь моя, последняя, несмелая,
От которой горько и легко.

Прожила в бездожде и скудости,
Вынянчила золотистый цвет.
Оказалось – сохранила с юности
Веру в чудо и небесный свет.

На пустынном поле, чистом, ласковом,
Солнечная тишь и благодать.
Словно жизнь не станет страшной сказкою...
Словно не наступят холода...

Рифмуются - любовь и боль.
Не точной рифмой, а по сути...
Неистребима она, коль
До поднебесья душу крутит.

Цветы и листья кружат там.
Взмывает вихрь, пылая свечкой.
И листьев липнут ко щекам
Кровоточащие сердечки...

Утро

Колюча щёткою усов,
Целует муж меня утрами.
Мы вышли с ним из царства снов,
И новый день встаёт над нами.

Сейчас захватит властно в плен,
Завалит разными делами.
Мы медлим – утренняя лень
Витает, сонная, над нами.

Прильну я к мужниной груди.
Минута-две – такая малость.
Ты, день, немножко погоди.
Лежим в обнимку, улыбаясь...

Нас день забросит в круговерть.
Но будут в памяти светиться
Минутки нежности, и петь,
И согревать, как крылья птицы.

Излечи меня, любовь

Излечи меня, любовь, от ран незримых.

Ты всё видишь, и поймёшь без слов...

Голос твой я пью неутолимо,

Сплю так крепко, что не вижу снов...

Излечи меня, любовь, от недоверия,

От пустынных комнат, сквозняков...

Смою все обиды и потери я

Из твоих заветных родников...

Хорошо, что наконец остыли

Угли листьев в сумрачных лесах...

Подожди, мои окрепнут крылья,

И шагну с тобою - в Небеса...

Много ремонтировал по жизни,
Всё на свете починить готов.
Жизнь давал любому механизму,
От простой прищепки до часов.

Мало ли встречается умельцев...
Бог мне Мастера чудесного явил.
Я пришла к нему с разбитым сердцем.
И его он тоже починил!

Уснувший город

Уснувший город – холод привокзальный,
Пустынность улиц, окон черный лед
И темнота всех переулков тайных –
Через минуту мимо поплывет.

Под перестук колес, огней мельканье
Меня увозит поезд от тебя.
Как неизменно свойство расстояний
Все исказить, ломая и дробя...

В дороге память все перелистает,
Оставит только драгоценный груз...
И, не успев отъехать, я мечтаю
О времени, когда к тебе вернусь.

Печальный мальчик мой

Печальный мальчик мой, я так тебя люблю...
Ты горбишься под грузом тяжких мыслей...
Гони ворон, иначе - заклюют.
Давай от хмари небеса очистим....

Ну, улыбнись! С тоскою не дружи.
Она подруга подлая, плохая.
Порадуйся возможности пожить.
Порадуешься - буря затихает.

Секрет один - за всё благодарить.
Что б ни случилось - молви: «Слава Богу!».
Давай друг другу солнечность дарить.
И к свету выбираться понемногу...

Колыбельная для любимого

Любимый мой – дитя моё, навеки.

Я поцелую смеженные веки,

Молитвою укрою не спеша.

Утешься, беспокойная душа.

Любимый мой – душа моя, навеки.

Придут на землю невесомо снега,

В судьбу придут, но нас не разлучат.

Твое тепло – у моего плеча.

Спи, нежный мой. Тебя я... отпускаю.

Жизнь пред тобой – от края и до края,

Я буду в горнице, тут, у окошка, шить.

Нам порознь, оба знаем, не прожить.

Ангеле мой светлый

Ангеле мой светлый,
Лучезарный мой!
Первым меня встретит,
Как пойду домой.

Ангеле мой чистый...
Я же – головня.
Глянет с укоризной,
Грустно на меня.

Друг ты мой небесный!
Плохо я жила.
Всё тебе известно
Про мои дела.

Сколько я грешила,
Веры не храня...
Ангеле мой милый!
Не оставь меня!

Дочке Лене

Божьи Ангелы – чистый свет.
Снежно-белые крылья неженек.
Ничегошеньки у них нет:
Ни признанья, ни крова, не денежек.

Есть любви золотой цветок,
В душах светлых небесный пламень.
Чтобы ветер задуть не смог,
Что есть сил обоймут крылами.

Есть забота – на зов лететь,
Тьму отхлопывать, чёрную стаю.
Если пёрышек не жалеть,
Они заново отрастают.

Хранитель

Стою, растерян. Куда идти?
Гляжу – клубится густой туман.
Какие-то то тени. Одна летит.
И ощущение – вокруг обман.

Но рядом, чувствую, кто-то есть.
Почти не страшно, тревожно лишь.
Вот так вот в детстве зовёшь: «Кто здесь?»,
И на пороге стоишь, глядишь...

Кусты топорщатся в полумгле...
...Но кто-то Взрослый за руку взял.
Повёл, и сразу душа – в тепле.
Иду я, вниз опустив глаза.

Пусть чьи-то очи горят в кустах,
Ты - под прикрытием, защищён...
Шагай, Хранитель, отъеми страх!
Со мной пребуди, пожди ещё...

Мои дела – это прах и пыль...
Я снова падаю, не суди...
На покаянье направь стопы...
До дома Божьего доведи...

Тихо свечи догорали

Тихо свечи догорали,
Тихо плыл кадильный дым.
Далеко душе до Рая,
Спутник ей необходим.

Вот шагает, дрожь по коже,
Меж обманчивых огней.
Кто подскажет, кто поможет,
Кто помолится о ней?

Был ты злобным, был ты гордым,
Нынче – в страхе и тоске.
Накопил грехов за годы.
Жизнь висит на волоске.

Благодати не стяжал ты,
Ждут преграды и суды.
Нужен, нужен провожатый,
Что укроет от беды.

Тихо свечи догорают.
Дым кадильный – пеленой.
Далеко душе до Рая.
Ангел Божий, будь со мной...

Метель

Метель ... Гремит на крыше кровля.
Тишь в храме. Отблески свечей....
Душа здесь прячется от ловли
От скрытных каверзных сетей.

Забыт компьютер, телевизор,
От мыслей разум не кипит.
В миру любой поступок - вызов.
А здесь зверинец мирно спит.

Спят страсти, тайные желанья...
Жизнь настоящая – проста.
И припадаешь с упованием
К иконе кроткого Христа...

Во время полёта

В иллюминатор мы глядим...
Жизнь так хрупка и невесома...
Под нами облака, как дым,
Что отделяют нас от дома –

От милой, сказочной земли,
Основы, нам казалось – прочной...
Но нас просторы увлекли,
И мы летим средь белых клочьев...

И понимаем, что слабы,
Беспомощны, и – дрожь по коже...
...Что нет ни рока, ни судьбы,
И нас несут ладони Божьи...

В журналах глянцевых

В журналах глянцевых –

гламурное житьё.

В цене – успех, комфорт, богатство.

Сабвуферы и сполеры, литьё...

Автомобильно-призрачное братство...

Но каждый за себя! И день за днём

Владельцу чуда на колёсах

– не до Бога.

Но будет миг, и вспомнится о Нём:

Когда вдруг встанет и обрушится дорога...

Казалось...

Казалось, накрепко забил
Подвал, гвоздями прошивая.
Казалось, накрепко забыл.
А память – вот она, живая.

Начнут забытые находки
Душить, трясти, напоминать,
Океанической подлодкой
С глубин неведомых всплывать.

Всплывают старые грехи,
Тошней, огромней раз от раза,
И шепчут, сумрачны, глухи,
Что ты к ним накрепко привязан.

Успеть, успеть «прости» сказать,
Покаяться, крестясь неловко...
Ломая пальцы, отвязать
Тугую, страшную верёвку...

Уже Господь грядет в Иерусалим

Уже Господь грядёт в Иерусалим.
Ученики скорбят, томятся страхом.
Молва сгущается, полощется над Ним,
И горизонт до белизны распахнут.

Всё впереди: «Осанна!», Крестный Путь
Среди толпы, до впечатлений жадной...
Последнее желание вздохнуть
Всею грудью, судорогой сжатой...

О, Господи! Как близко всё сошлось:
И Благовещенье, и Смертная Дорога...
В последний раз стучится в души Гость.
Впустите Бога!

Великий пост

Великий пост... Грехи всплывают.
Пугают, мучают, вопят...
За борт их, а не убывают.
Их взоры острые – сверлят.

За ними, мелкими и злыми,
Встают фигуры покрупней,
Пронырливы. Пролазят в сны, и
Дела их – яви пострашней.

Едва укроешься молитвой
И осенишь себя крестом, -
Готовят поле новой битвы.
«Жди искушения постом»...

Бредём, скорбя, по бездорожью,
Вздыхая горестно о том,
Чтобы укрыл нас Ангел Божий
Своим невидимым крылом.

Надо на исповедь

Надо на исповедь – грязь выгребать,
Тинную, черную, едкую...
Ткань языка для названий – груба.
В душу впечатаны крепко

Грешные помыслы... Трудно извлечь,
Душу отмыть до сиянья.
Падайте струпья с опущенных плеч.
Бей же меня, покаянье...

Смрадные помыслы блудных грехов
Душу уляпали густо.
Боже, не ввергни в погибельный ров!
Дай покаянное чувство!

После исповеди

Как светло на сердце – чрезвычайно!
От того, что примирилась с Богом!
Долгие страдания – неслучайны,
Сплетена из горестей дорога.

Но сверкающее счастье – быть спокойной,
От страстей-пиявок – отлепиться!
А была душа – почти покойник,
Не могла от сердца помолиться!

Я взывала Богу о спасении,
Лишь Ему известными путями.
Было прочным страшное плетение,
Вся душа опутана сетями...

Но надеялась – Господь из паутины,
Из тенет, из безысходной клетки
Бережно в Свои ладони примет,
Самые прекрасные на свете!

И отпустит бабочку-калеку,
Вручит крылья нового покроя!
Дверцу в Царство будущего века
Распахнет – и больше не закроет!

Встреча

Забавно помертвевшему душой
Увидеть вдруг живого человека,
В душе которого искрится фейерверком
О Боге радость, покаяние свежо...

Он с любопытством смотрит в этот мир,
По духу чуждый, но по-детски милый,
И жизнь своя, что холодней могилы,
Впервые видится – из сквозняков и дыр.

И он уносит капельку тепла,
Себя слегка за слабость презирая.
Не верящий, несёт частицу Рая
В душе, что на мгновенья ожила.

В лучезарно-радостной дали

Не очень-то надейтесь на сочувствие.
Вам сказано об овцах и волках.
Увидите кощунства, богохульства,
Но совершенная любовь прогонит страх.

Ах вы, овечки, любящие, нежные!
Как сердце кровоточит, как болит!
Но как зовут вершины белоснежные
Там, в лучезарно-радостной дали!

Опять вы изгнаны. Почти что не убиты.
Прах отрясаете с растрескавшихся пят...
И – снова в путь, любимы, не забыты
Тем, Кто за вас однажды был распят...

Выбраковка стада

Нас пустят первыми под нож.
Придет пора проверить стадо...
Не блеешь, скажут, а поёшь.
А нам неблеющих не надо.

Придет наш час, и ясным днём
Над нами небо распахнется,
И мы, слабея, упадём
На дно небесного колодца...

Нам так хотелось пошуметь!
Но оглянулись – всюду тени.
И мы в ступающей тьме
Вдруг опустились на колени.

Нам так хотелось голосов,
И фейерверков, и оваций,
Но властный молчаливый зов
Велел холодных плит касаться.

Пришли и музыка, и шум.
Но мы, отвыкшие от света,
В сиянии многотрудных дум
Смотрели горестно на это...

Даже если никто
 нас не услышит,
Даже если пройдем
 мимо глаз и сердец...
Вы прислушайтесь к миру –
 он тягостно дышит,
И глядит
 как больной
 недвижимый отец.

Он не любит, родной.
 Болен, но не смирится.
Слов не нужно ему,
 только бережный жест:
Одеяло поправить,
 дать свежей водицы,
Положить в изголовье
 на ниточке крест.

Тень прогнать от лица...
Потерпеть, до конца...

Как трудно держать равновесие!
Обиды, непонимания
Столкнуть пытаются с места,
О том сговорившись заранее.

А я не держусь за землю.
Держусь за веревочку тонкую.
Речам, самым разным, внемлю,
Раскачиваясь потихоньку.

Пусть рушатся все опоры,
Пусть сердце куда-то падает,
Оно не мечтает о "скорой",
Спасается запахом ладана.

И в храме пусть душу мучают,
Пусть скорби согнут...
Тем не менее,
Господь из любого случая
Нас выведет ко спасению.

Я себя считала доброю.
Но унизили меня.
Поднялась обида коброю,
Изготовилась, змея,

Чтоб расправиться с обидчиком,
Покусать и наказать.
Своё истинное личико
Супостату показать.

И хотя взорваться проще нам,
Погасила злобный взгляд.
Свой родной, свой доморощенный
Обезвреживаю яд.

Что ж ты маешься, душу ломаешь в тоске,
Силы тратишь на войны и битвы?
Жилы рвёшь – дико мечется жилка в виске,
Забывая о силе молитвы?

В стены-окна колотишься птицей слепой,
Сам себя убиваешь и мучишь,
Свои крылья бинтуешь, бунтуешь – не пой!,
Сам себя сверхсмирению учишь.

Ох, когда ж ты научишься тихо любить,
Не судить этот мир уходящий,
Осуждением косточки птичьи не бить,
И покой твоё сердце обрящет?

19 августа

«Первое примирился
 тя опечалившим...»
 Из молитвослова.

1.

Сегодня ехала по лужам.
Измокла юбка. Дождик льёт.
И в церкви чувствовала стужу –
Как холод по спине идёт.

Татьяна, видя, что я в куртку
Закуталась, закрыла дверь.
И я забыла на минутку,
О том, что в ссоре мы теперь.

Стихийно как-то помирились:
Прости! – Прости! – шепча вздох, б
А дождевые капли били
В окно, там велик в луже топ...

2.

Служба была чистая, пустынная.
По свече – прозрачная слеза...
Исповедь – домашняя, недлинная.
Отошла, и вытерла глаза...

Перед ней направилась на клирос.
Удивлённый, осторожный взор.

Обнялись, и сердце больно билось...
Торопливый, тихий разговор...

Господи! Неужто примирились?!
Я поверить, гордая, боюсь.
Царские Врата легко открылись,
Отчего ж – растерянность и грусть?

Как законсервировать мгновенье,
Чтобы вечно примирённым жить?
Не сражаться с выдуманной тенью,
Копья, стрелы – всё в костёр сложить...

Слава Богу. Мы преобразились.
Плохо, слабо, всё-таки – всерьёз.
Мучаясь, чему-то научились.
Обойди нас, отчуждения мороз...

3.

Как хорошо без всяческих условий
Друг с другом рядом находиться.
И, слушая поток молитвословий,
Вникать в них, и, забыв себя, молиться.

Ведут меня на суд

Ведут меня на суд к себе самой...
Я – молода, язык – острее жала.
Бомжиха старая стоит передо мной.
Я в ней саму себя и не узнала...

Разгневалась на смрадный, жалкий вид.
И рассудила, как могла – от сердца.
«Она виновна!»... Но душа болит,
И ей я в Рай открыть велела дверцу...

Я много позже в ужасе пойму,
Что от жестокосердия, бывало,
Себя неумолимо шлют во тьму.
Иль в огненное ада поддувало...

Я стала бабушкой из храма

Я стала «бабушкой из храма».
Тушу огарки, пол скребу.
Была я гордой и упрямой,
Теперь душа живёт в гробу.
В неё гляжу я – ни кровинки.
В лохмотьях, но гордыня – есть.
Всё лью и лью над ней слезинки,
Но до сих пор грехов – не счесть...

Но до сих пор она – хвастлива,
Тщеславна, в грёзах и мечтах.
Порой - капризна и ленива,
Порой – обуревает страх...
Пустое... Страх – от маловерья,
От самолюбия – хандра...
А гордость – выбросить за двери,
Метлой бы выгнать со двора.

...Учу креститься, ставить свечки,
Иконы, книги продаю...
Мету церковное крылечко...
Душа застыла на краю.
Глядит в себя, глядит на Небо,
Не смеет к Ликам взор поднять...
Молитвы просит, словно хлеба,
И снова учится летать...

День, и час вечерний

Пространство мыслями и волнами забито.
Невидимые сущности кружат
Вкрут головы бредовой, словно свита.
Ты, временем своим не дорожа,

Швыряешь пригоршни переживаний,
Как бисер – свиньям, жемчугом соришь.
Тебя терзают образы желаний,
Незримо в тихом пламени горишь...

Но близится заветный час вечерний,
Когда душа берёт молитвослов.
И отползают недовольно тени.
Спускается невидимый покров,

И укрывает белою фатою
Измученную душу Светлый Гость.
Поплачь – легко!.. Все беды – за чертою...
И слёзы Ангел собирает в горсть...

Ткань жизни

Ткань жизни моей истончилась.
Но нитки, пожалуй, крепки.
Живу ещё, это ль не милость?
Распутываю узелки...

Когда-то была я счастливой.
Недолго, рывками, вздохлёб.
Теперь истощаются силы,
А время из рыси – в галоп...

По кругу привычного плена
Несёмся... Однажды – взлетим.
Сердечные нити – нетленны,
Своих мы отыщем по ним...

В монастыре

В монастыре – звенящее пространство.

Густое – ни микрона пустоты.

Царит вневременное постоянство...

Намолены и стены, и цветы...

Не люди – души бродят по дорожкам,

Течет молитва плавно и легко.

Сытней в разы еды скупая плошка,

Сон краток - погружает глубоко.

Здесь цели жизни – явно наизнанку.

Намеренье, что невесомый дым,

Здесь получает дивную огранку,

Становится топазом голубым.

Здесь рай душа почувствует до срока,

Увидит язвы страшные свои,

И не уйдет отсюда без уроков

Смирения, надежды и любви.

Небесный город

Ступени боли. Новые просторы.
Терпением распахнуты врата.
Песком сквозь пальцы – споры, разговоры.
Безмолвна, необъятна красота.

Откроется очам прекрасный город,
Ограды белые, увитые плющом...
Мир распахнётся – вечно свеж и молод,
Присутствием небесным освящён.

В реальность превращается набросок.
Шаги навстречу... Звон прогретых плит...
Наступит миг ответов на вопросы...
Всё лишнее огонь испепелит...

Попросишь тишину

Штормит Россию – так нам говорят,
Показывают страшные сюжеты...
А мы работаем, и верим, что не зря....
И дети заняты – они живут в инете.

Мы планы строим, коль здоровье есть.
Здоровья нет – кочуем по больницам...
А дома - то прибраться, то поесть.
Мелькнут соседей замкнутые лица.

Казалось – устоявшийся мирок
Храни, оберегай, и будет счастье.
Но как-то тихо выйдешь за порог,
В липучий снег, весеннее ненастье,

Надышишься, до ломоты в груди.
Насмотришься на мокрые деревья...
Попросишь тишину – не уходи,
Побудь во мне, прибавь покоя, веры...

И научи вот так же – воскресать.
Весною каждой к жизни просыпаться...
Снежинки будут медленно слетать...
И щёк с неслышной нежностью касаться...

Содержание

В огромном и богатом мире	3
Дороги есть такие	
Трещат сороки в перелеске	8
Русь	9
Воскресные зарисовки	10
В городе чужом	12
Папка из архива	14
Страницы дела кровью пахнут	16
Офицер с молодыми глазами	17
Поэт 30-х	18
Дороги есть такие – в никуда...	19
Серый день, и пахнет снегом...	20
Встреча с ветераном	21
Вокзал	22
В пути	23
Из повседневности – да в неприютность,	24
Интернетные страдания	25
Телевизор	29
Не имею телевизора, не читаю я газет...	30
Родники	
Люблю уют осенних перелесков...	32
Осеннее	33
Ах, сентябрь	34
Погоде по-осеннему взгрустнулось...	35
Осень в городе	36
Первый снег	37
Тучи снеговые	37
Осень и зима	38
Осенние письма	39
Зимний день – синицы посвист...	40
Какие сильные морозы!..	41
Плывет по дому запах хвои...	42
Тишина	43

Морозный туман	44
Ветры гулкие	45
Забайкальская весна	46
Степняки	47
Сосна	48
Дарован день	49
К обеду небо – выгоревшей сини...	50
После дождя	51
Подарок	52
Соскучилась по лесу я. Любому...	53
Подмосковный лес	54
Август	56
Который час? Ни день, ни вечер...	57
Романс августа	58
Больничная тетрадь	
Бабка	60
Беременные мамочки в халатиках...	61
На операционном, уносясь...	62
Мой август	63
Утром встала – не встаётся...	64
Жду, когда подействует таблетка...	65
Я взгляд бросаю в зеркало...	66
Болею. Отрываюсь от земли...	67
Больничные зарисовки	68
Троица	71
В больничной палате	72
Родные люди	
Дочка спит	74
Неумолчный шум больницы...	75
Дома скучно, серо, пыльно	76
Сыну	77
Отрадой для души – одно словечко...	78
Благодарю, о Боже, за разлуку...	79
Заплачено тревогою родных	80

Лечу я над землёй, раскинув руки...	81
Снятся дети	82
Рождественским постом	84
Я радуюсь, во сне увидев сына...	85
Осень капли на ветки нижеет...	86
Моя душа располовинена...	87
Далёкий лес	88
Моя капризная душа...	89
Письмо отцу	90
Гитара	91
Слетаю я в печальные места...	92
Портрет на стене	93
Меж тобою и мной связи – не оборваться...	94
На другом берегу	95
Пресвятая Богородица, как ТАМ?..	96
Ты знаешь, как в Раю?..	97
Денег нет, успеха тоже нету...	98
Иные миры	
Поэт коснётся быстрою рукою	100
Тоска – поэзии сестра	101
Гроза	102
Во мраке грозовом...	103
Выдувают ветры	103
Огонь и вешняя трава	104
Жизнь - река	105
Мне раньше Бродский был не по зубам...	106
Куда везёшь, полуслепая лошадь?..	107
Реальность густа	108
Приснилась школа	109
Хорошо бы последнюю связь оборвать...	110
Тайны	111
Клетка	112
А душа задумала побег	
Дни сентября	114

Брак наш честен. Ложе непорочно...	115
Боюсь нарушить Божью волю...	116
Когда со всех сторон обложат...	117
За мною вздыбились деревья...	118
О надежде	119
Надежды луч, как золотая шпага...	120
Мне говорят	121
Голуби воркуют на балконе...	122
Я прошла через огненный лес...	123
С разбитым сердцем ухожу я от тебя...	124
Имя навеки в сердце впечатано...	125
Грустное-грустное	126
Тоскую по жёсткой траве...	128
Стараюсь я не жечь мостов...	130
Пусть глядит с тоскою, уходя...	131
Я в дом вошла	132
Колыбельная для любимого	
Всё хорошо	134
Лето тянется паутинкой тонкой...	135
Утренний туман	136
Хочу быть на шее твоей – медальоном...	137
То далёк, то близок ты ко мне...	138
Теперь ты будешь долго, крепко спать...	139
Твой голос	140
Я знаю – ждут меня твои ладони...	141
Твой образ стал объёмнее и ближе...	142
Твоя любовь – что дерево в тумане...	143
Зерна золотистые, созревшие...	144
Зимнее время игнора	145
Рифмуются - любовь и боль...	146
Утро	147
Излечи меня, любовь	148
Много ремонтировал по жизни...	149
Уснувший город	150

Печальный мальчик мой...	151
Колыбельная для любимого	152
Небесный город	
Ангеле мой светлый...	154
Божьи Ангелы – чистый свет...	155
Хранитель	156
Тихо свечи догорали	157
Метель	158
Во время полёта	159
В журналах глянцевых	160
Казалось...	161
Уже Господь грядёт в Иерусалим	162
Великий пост	163
Надо на исповедь	164
После исповеди	165
Встреча	166
В лучезарно-радостной дали	167
Выбраковка стада	168
Нам так хотелось пошуметь!..	169
Даже если никто нас не услышит...	170
Как трудно держать равновесие!	171
Я себя считала доброю...	172
Что ж ты маешься, душу ломаешь в тоске...	173
19 августа	174
Ведут меня на суд...	176
Я стала бабушкой из храма...	177
День, и час вечерний	178
Ткань жизни	179
В монастыре	180
Небесный город	181
Попросишь тишину	182

